

Александр Петрашов

Селлтирианд

Прежде рассвета

18+

Александр Петрашов

Селлтирианд. Прежде рассвета

«Автор»

2025

Петрашов А.

Селлтирианд. Прежде рассвета / А. Петрашов — «Автор», 2025

Заключительная книга из трилогии «Селлтирианд». Пути друзей разошлись и никто не знает, удастся ли им встретиться вновь. Великий Клык выбрал Избранника, и Коронованные обязаны склониться перед ним. Эйстальд находит поддержку у соратников и братьев, но даже в Сером Убежище нет прежнего единства. Бывший глава Серого Совета не забыл о своих обещаниях, и его сделка с Верховным магистром должна быть кем-то оплачена. Серые сумерки подходят к концу, но за ними раскинулась тьма, заслонив собою рассвет.

© Петрашов А., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Пленники	5
Селлтирианд	23
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Петрашов

Селлтирианд. Прежде рассвета

Пленники

Повозка тряслась и подпрыгивала на ухабах, а магистр, сидя на жесткой скамье, подпрыгивал вместе с ней, каждый раз сжимая голову в плечи. Руки за его спиной были крепко стянуты, и он был не в силах помочь себе удержаться при подобных маневрах. Довольно часто его голова встречалась с чем-то твердым и угловатым, и тогда ему казалось, что в повозке помимо него и принца везут еще кучу дров или различных пиломатериалов. Проверить свои догадки ему, увы, не представлялось возможным с тех пор, как им водрузили мешки на голову, чтобы затем «любезно» затолкать в повозку.

Побои все еще болезненно отзывались по всему телу, и магистр не вполне помнил, когда очнулся. Впрочем, возвращение сознания не принесло заметного различия от бессознательного состояния. Мешок по-прежнему застилал взгляд, пропуская сквозь себя скупое решето света и череду размазанных пятен. Вонял он не меньше положенного, но с этим запахом Лагранн уже понемногу свыкся. Звон в голове не прошел полностью, как и привкус крови во рту, но теперь он все же был в состоянии соображать, хоть это и давалось с трудом.

Для начала магистр попробовал восстановить цепочку событий от момента, когда на выезде из Старой Гавани его наградил мешком и крепкими побоями. Оказалось, что до этих событий он помнил все вполне сносно, но дальнейшее застиало туманом, вплоть до последнего часа, когда он очнулся и пребывал в некой прострации. Решив не обращать внимание на тряску и на болезненные встречи с всевозможными углами, Лагранн попробовал расставить основные приоритеты, даже сформировать подобие плана. Прежде всего его интересовала судьба наследника: был ли принц рядом, а если и был, то в каком состоянии? Для ответа на эти вопросы хватило бы просто подать голос. Это, конечно, был риск, ведь неизвестно, кто сопит рядом, и как он отреагирует на вопросы магистра. Вполне возможно, новыми зуботычинами.

Верховный магистр был не из робкого десятка. Да и потом, если его не убили сразу, то наверняка не станут делать этого и в повозке. А пару оплеух и пинков он уж как-нибудь перетерпит.

— Мой принц? — просипел Лагранн, на всякий случай втянув голову в плечи.

Ожидаемого удара на удивление не последовало, впрочем, как и угрожающей ругани. Зато послышалась неясная возня, и голос юноши прозвучал совсем близко, приглушенный, судя по всему, схожим с мешком.

— Наконец-то, учитель, вы очнулись! Это внушает здоровый оптимизм. Я уж думал, из вас всю душу выбили, когда слышал, как вас пинают!

— Поверь, мой мальчик, выглядело это еще больнее, — магистру хотелось придать своему голосу беспечности, но получалось неважно. — Не так-то просто из меня выбить остатки жизни...

— Но-но-но! — раздался ленивый окрик того, кто сидел рядом с магистром. — А то ведь и приложить могу! Почитай не тока жизнь, а и усе дерьмо выскочит!

Магистр замолк, прекрасно понимая, что было бы неразумно злить нового собеседника. Судя по слову его соседа, тот не являлся самой изысканной личностью. Скорее всего, обыкновенный рубака, из разряда тех, кто бьет и не спрашивает — поскольку неинтересно. Сидел он рядом для видимости охраны и физического внушения, если в таковом оказывалась необходимость, и получал свою порцию тряски наравне с пленниками. Примерно такой вывод сделал для себя магистр за недолгий промежуток своего молчания. Взвесив полученный резуль-

тат, он все же решился возобновить разговор. Если оплеух до сих пор не последовало, значит, приставленный к ним охранник не особо хотел их отвечать. Оставался еще вариант, что он попросту дожидается удобного случая, например, когда перестанет трясти. Но тряска и не думала прекращаться, и потому магистр вновь заговорил:

— Если мы все еще целы, следовательно, мы нужны кому-то живыми?

— Вы правы, магистр. Нам повезло больше, чем несчастному Морику. Бедолагу зарезали, как только на нас набросили мешки. Мне до сих пор слышатся его предсмертные стоны.

— Не отчаивайся, мой мальчик. Морик с честью выполнил свой долг верного слуги. Будем надеяться, что он отдал свою жизнь не зря, и мы еще выберем...

Глухой звук удара, и у магистра перехватило дыхание. Ребра выдержали, но заломили так, будто побывали на наковальне. Лагранн закашлялся, давясь слюнями и вонью в душном мешке. Ну что ж, этот удар был заслуженный. Ему необходимо было понять, как далеко мог идти разговор безнаказанным. Выходило, что не слишком. Сквозь мешок донесся возмущенный голос Аллариана, требующий немедленно прекратить избивать связанных пленников, но судя по последовавшей возне, принца и самого не обделили порцией тумачков, и он вынужден был прекратить дальнейшее недовольство.

Сидящий рядом с Лагранном шумно вздохнул, и в этом вздохе слышалась усталость и, в то же время, удовлетворение от проделанной работы. Наверное, на усердного охранника снизошло то самое чувство, которое испытывает всякий мастер, взирая на свой законченный шедевр. Терпеливо позволив незнакомцу насладиться плодами своей нелегкой профессии, магистр попробовал зайти с иной стороны:

— Уважаемый, — начал он осторожно, — быть может, вы могли бы проявить великодушие и снять эти мешки? Право, толку от них немного, а дышать с каждым разом становится все сложнее.

— Молчать! — ответом был раздраженный возглас с оттенком презрения. — Не положено!

— Разумеется, — тут же согласился магистр. — Если не положено, то и не нужно... — Выдержав эффектную паузу, следом добавил: — Только, ведь так повелось, что каждая услуга вправе рассчитывать на достойную плату.

— Какую плату? — голос обрел живость и стал куда менее ленивым и презрительным. — Откуда у тебя деньги, старик? Если чего и было, так тебя давно обшмонали и все, что было, забрали!

Магистр пропустил мимо ушей «старика» и сосредоточился на главном из услышанного. Наживка была проглочена, оставалось умело подсечь:

— Забрали все. Почти все забрали... — вновь многозначительная пауза.

— Это как так, есть еще что забрать?

— Ну зачем забирать, если можно получить в благодарность за пустячную услугу...

— Забрать — это мне запросто, — нахально прервал охранник. — Никаких услуг и не надобно. Заберу и баста!

Магистр почувствовал, как завозился охранник в нетерпении, явно намереваясь обшарить его карманы. Несвежее дыхание, с примесью чеснока и сивухи, проникло даже сквозь толщу мешка, который, впрочем, и сам вонял ничуть не меньше. Отстранившись как можно дальше, Лагранн лихорадочно соображал, чем еще спасти ситуацию:

— Отчего же вы решили, что сможете найти то, что не вышло отыскать у ваших соратников?

— Моим засратникам много чегой не вышло... А бывает, что и целая куча выходит! — довольно заржал охранник над собственным остроумием. — А я, вот, возьму и сам отыщу!

Лагранн сдался. Ему стало ясно, что очередной обыск карманов неизбежен. Процесс уни- зительный и неприятный, но он был уверен, что не слишком расторопный конвоир ничего не отыщет. Так оно и вышло.

— Хер ты с заплешиней! Ты мне что, старик, башку пудрить вздумал? Говори, где монеты припрятал, или прямо по мешку тебе настучу, и скажу потом, что мол так и было!

— Эй ты, солдатня! — зашумел мешок, скрывающий наследного принца. — Ты ручонки свои придержи, тебя уважению к старшим учили?

— Это что за голосочек прорезался? — глухой звук пинка по чему-то мягкому, сдавлен- ные стоны и проклятия. — Ты тут мне не балуй, Ваше Высочество! Я тебе не папаша, зад целовать не стану!

— Аллариан, пожалуйста! — голос магистра был уставший и слегка раздраженный. — Я признателен за твою заботу, но посиди, пожалуйста, смирно, пока старшие решают вопросы.

— Во-во, сиди и не вякай! А ты, старикашка, гони монеты, я и так на вас двоих уже сколько времени перевел! — Как раз в это самое время повозку сильно трянуло, и недо- вольный охранник, что есть мочи, приложился головой о деревянные рей, не успев ухватиться руками: — Ах сука! Еще и голову из-за вас, скотов, расшиб! Тут теперь хер, парой монет отде- латься!

— Спокойно! — полным власти, зазвенел голос магистра. — Сними мешок, и мы все обсудим.

Неожиданно, но это подействовало. Вполне возможно, раболепное поведение настолько сильно впиталось в кровь привыкшего подчиняться охранника, что он немедленно отреаги- ровал на властные интонации голоса. Не прекращая своего неразборчивого ворчания, охран- ник наклонился к магистру и рывком стащил мешок у него с головы. Лагранн зажмурился от непривычно яркого света, хотя в крытой повозке царил полумрак. Глаза все еще слезились, пока магистр разглядывал нависающую над ним тяжеловесную фигуру. Наглый охранник ока- зался старше, чем предполагал Лагранн, судя по голосу.

— Вот и славно, спасибо, так гораздо лучше. Мое имя, Лагранн, — с достоинством про- изнес магистр. — Хотелось бы услышать твое, чтобы облегчить наше дальнейшее взаимопо- нимание.

— Геник... — неуверенно ответил здоровяк и почесал холеную морду, лишенную рас- тительности. — Геником меня все кличут. Но ты это брось, старик, мне твое имя нахрен не сдалось! — воспрял он духом и сразу полез в наступление. — Зубы хорошо заговаривают, гони давай золото, а не то мешок назад нахлобучу, с парочкой оплеух вдобавок!

— Спокойно, — миролюбиво повторил Лагранн. — Зачем горячиться? Награда здесь, у меня, и никуда не денется. Вот только со связанными за спиной руками, достать ее вряд ли выйдет.

— За дурака держишь Геника? Может тебя еще из повозки вынести и на руках в Белое Крыло отнести?

— Это было бы очень кстати, — сухо заметил магистр. — За такую услугу награда была бы соответствующей...

— Я еще ни хрена за прошлую не получил! — хохотнул Геник. — Торгаш ты, а не магистр!

— Значит, и не получишь, — Лагранн оставался невозмутимым. — В таком положении я ничем не могу тебе помочь.

Охранник некоторое время молчал, и на его роже отчетливо проступали муки выбора. Было похоже, что больше всего он склонялся к желанию заграбастать заносчивого пленника в охапку, и швырнуть на пол, чтобы как следует обработать ногами. Но жажда к золоту взяла свое, и нацепив на лицо подобие жертвенности, Геник распустил веревку на руках магистра, с таким видом, будто преподносил к его ногам целый мир. Впрочем, Лагранн вполне был доволен

и этим. Дело оставалось за малым — немедля дожать зрителя, пока огонь алчности не прожжет его насквозь, или же совсем не затух.

— Искренне благодарен, вот теперь можно и разговаривать. Только моему спутнику мешок явно не впрок...

— Да ты совсем охренел!

— Всегда можно договориться! — магистр картинным жестом полез за пазуху камзола и нащупал потайной карман в подкладке. — Держи, твоя заслуженная награда.

Золото у Лагранна действительно было. Только не монетами, как требовал не слишком сообразительный Геник, а парочкой тонких пластин, умело припрятанных на подобные случаи. Магистр протянул только одну, рассчитывая при помощи второй облегчить положение принца. Здоровяк жадно ухватился за протянутое золото и подозрительно принялся вертеть его в руках. Тщательно обнюхав, он, как и полагается, торопливо начал жевать его край. Наконец убедившись, что его не разыгрывают, горящими глазами уставился на довольного магистра.

— Еще давай! Или... или сам все вытрясу!

— Так ведь пытался уже, и не вышло, — лукаво улыбнулся Лагранн. — Видишь ли, верный подход не всегда требует насилия. Теперь понимаешь, что я человек слова и многого не прошу. Ты оказал мне небольшую услугу и был хорошо награжден. Прибыльное дело, разве ты не согласен? Если ты опять примешься шарить по карманам и давать волю рукам, то ничего не добьешься, только испортишь наши, вполне уже налаженные, отношения, и лишишься всех следующих вознаграждений.

— Да, я...! — взвыл Геник и даже неуверенно замахнулся.

На лице Лагранна не дрогнул ни один мускул, когда тень от здоровенной лапищи заслонила ему свет. Он по-прежнему сидел ровно и, несмотря на изрядно потрепанный вид, сохранял властную осанку. Лагранн чувствовал, что уже взял верх над своим зрителем, и проявить сейчас признаки слабости означало бы признать поражение. Верховный магистр никогда не проигрывал.

— Для начала убери мешок с головы принца, а затем получишь еще золото, мой друг. Не забывай, что тем самым ты окажешь услугу Верховному магистру Белого Крыла. А это, мой друг, многое значит!

Колеса повозки тархтели, поскрипывая на своих осях. Лагранн старался не повышать голос, чтобы обрывки этого разговора не добрались до ушей возницы или кого-то другого снаружи. Но старая колымага издавала столько шума, что об этом не стоило слишком переживать. Геник медлил, не опуская руки. Наконец, выдавив нечто нелицеприятное, он сделал вид, что все это время намеревался лишь почесать свою шею. Смерив магистра взглядом полным ненависти и раболепия, он развернулся к молчащему все это время принцу и сильным рывком сорвал у него мешок с головы. От столь резкого движения голова наследника, повинаясь инерции, мотнулась назад, сильно ударившись о деревянные рейки за его спиной. В глазах Аллариана полыхнул огонь ярости, но юноша тут же усмирил его, едва взглянув на своего учителя. Спокойно державшийся магистр всем своим видом говорил о том, что сейчас не время для истерии. Любая агрессия могла мгновенно разрушить столь хрупкие достижения.

— Премного благодарен! — Лагранн протянул вторую пластину. — Я рад, что мы прекрасно понимаем друг друга. Ты помог нам, мой друг Геник, и в придачу стал вполне обеспеченным человеком.

Довольный Геник не возражал. Его рожа прямо-таки сияла, когда он взвешивал в руках две золотые пластины. Но вскоре на довольную рожу набежали хмурые тучи сомнения, и здоровяк, быстро запихав за пазуху свое сокровище, визгливо воскликнул:

— Это все!? А может еще чего найдется для несчастного Геника? Который рискует своей шкурой, стаскивая мешки с этих двоих!

— Ты лучше не визжи так, Геник, — резонно заметил магистр и растирая руки, приподнялся, чтобы помочь принцу избавиться от пут.

Перепуганный охранник воспринял этот жест совсем иначе и трусливо вжался в угол между ящиками. Куда только подевалась его прежнее нахальство и самоуверенность перед связанными пленниками? По-видимому, в его представлении богатство всегда ассоциировалось с властью, а власть вызывала в нем страх и желание преклоняться. Его пленник, с первого взгляда ничем не примечательный человек, убедительно сумел доказать, что в самом деле богат, а лишившись унижительного мешка, только укрепил в недалеком Генике эту уверенность.

— Ты получил куда больше, чем мог рассчитывать, так что не жадничай. Жадность, рано или поздно, лишает последнего. Нам прежде всего нужно спокойно все обсудить, а твои крики могут привлечь лишнее внимание. Сам подумай, мой добрый друг, — магистр уселся обратно, скрестив руки на коленях. — Теперь ты богат, и у тебя есть золото. А у тех снаружи его нет. Твой шум привлечет их внимание. Тебе поручили стеречь нас, а мы сидим без оков и мешков... а карманы твои набиты золотом, — на последних словах, Лагранн сделал особое ударение. — Как думаешь, что из этого выйдет и кто окажется виноватым?

Обхватив голову руками, Геник застонал, оплакивая свою нелегкую долю и слишком уж доброе сердце. Вспомнив о золоте, он резко оборвал свои стенания и с ненавистью взглянул на дальний угол повозки.

— Да, эти могут! Служу не первый десяток, а все в нищете подыхаю. Похлебка и жалкие медяки — вот и вся благодарность! А еще Братство Шипа и Мести называется — тьфу, а не братство! Нет, свои кровные я никому не отдам!

— Вот и правильно, — кивком одобрил Лагранн. — Я вижу, Геник, что отношения с братством у тебя не заладились, не мне осуждать. Видимо, порядочность и верность в братстве давно не в почете, иначе тебя бы ценили, как ты того заслуживаешь.

Геник зарделся от удовольствия неожиданных комплиментов, в которых более внимательные уши уловили бы скрытую насмешку. Аллариан, все еще хранивший молчание все это время, наконец свободно вздохнул. Избавленный от вонючего мешка, он с благодарностью глядел на магистра.

— Спасибо, учитель! Так намного лучше... Как вы себя чувствуете? Я вижу, вам здорово досталось! — с тревогой спросил он, вглядываясь в помятое лицо Лагранна.

— Пустяки, мой принц, — магистр небрежно отмахнулся. — Будь я помладше, я бы и вовсе не заметил этих синяков, хоть они все еще и горят, но это сейчас неважно. Важно только то, что ждет нас впереди.

При этих словах магистр легко поднялся и потянувшись, размял спину. Повозку трясло, но его руки были свободны, и потому пересчитывать ухабы под колесами, своей головой, магистру теперь не приходилось.

— Послушай, Геник, поскольку мы теперь друзья и можно сказать единомышленники, может быть, ты поведаешь, где мы и куда направляемся?

— Много я не знаю и сказать не могу, магистр, — Геник нацепил елейное выражение, не желая больше ссориться с пленниками. Вполне возможно, он в тайне надеялся на золотую прибавку в свои карманы или рассчитывал еще немного поторговаться. Он явно примирился со своим предательством и нисколько не испытывал каких-либо угрызений совести.

— Ты это брось, Геник, нечего здесь придуриваться. Или ты рассчитываешь на обоих стульях усидеть? Знаешь, мы ведь и без тебя вполне справимся, а вот справишься ли ты без нас...?

— Магистр, магистр, — залепетал перепуганный охранник. — Расскажу все, что знаю! Вот только несчастный Геник и впрямь мало что знает. Его приставили сторожить пленников, он это и делал. А куда и зачем — не его ума дело!

— Ну, ты хоть знаешь, куда нас везут? — раздраженно спросил магистр, не слишком надеясь на успех.

— Это знаю. Это все знают. В убежище наше везут, сокрытое, возле западной гряды.

Не дожидаясь приглашения, принц поднялся и, дотянувшись до края плотного тента, едва раздвинул его рукой. В духоту и полумрак повозки ворвался деловой лучик света, принес с собой несколько глотков свежего воздуха. Аллариан осторожно выглянул за края и увидел ленту проселочной дороги. Холмы по краям подпрыгивали в такт движению, их облезлые склоны — бурые, лишенные зелени — готовились к долгой зиме. Принц совсем не узнавал этой местности; его опыт путешествий был весьма скромным и распространялся не далее, чем пара часов пути в окрестностях Дорниана. Принц поймал себя на мысли, что ему даже нравится происходящее. Он был молод, и, ощущая в сердце уверенность юности, мечтал о приключениях и собственных подвигах. Клетка, воздвигнутая вокруг него его собственным отцом, была с тонкими прутьями, и все же это была клетка. Потому юноша, разумно полагая, что похитители не станут с ним церемониться, не унывал, поневоле испытывая трепет неожиданного путешествия. Обернув свое счастливое лицо, он встретился со взглядом магистра.

— Я так полагаю, что ты наконец дождался своего приключения? — тон магистра оставался спокойным и взвешенным, но в глазах плясали веселые чертики.

— Ума не приложу, куда нас могло занести, учитель!

— Наш друг, Геник, поведал нам, что мы направляемся к западным горам. А как я могу припомнить — гор в этом направлении не так уж и много. Либо мы прибудем к подножию Икларентида, либо наш путь будет несколько дальше. Быть может, к Ярым Землям и острому пику одинокого хребта.

— Так далеко, — пробормотал принц. — Ведь и Селлтирианд где-то в той стороне...

— Верно, Серое Убежище в тех самых краях. Если, конечно, знать, как его отыскать среди нагромождения скал и диких лесов. На картах крепость, конечно, отмечена, но вот ее точное расположение знают немногие. Серые скитальцы не любят гостей и ревностно берегут свои тайны.

Лагранн замолчал, видимо погрузившись в нелегкие размышления о Сером Убежище. Последнее пристанище скитальцев, потомков некогда великого ордена, не давали ему покоя, и Аллариан с грустью отметил, что навязчивая мысль его учителя похоже превращается в одержимость.

— Серое Убежище — это все выдумки для детишек, — встрял Геник, нагло влезая в разговор. — Чтобы на ночь пугать, да за кружкой-другой байки травить... — При мысли о кружке глаза его мечтательно замаслились, и не сдерживаясь, Геник смачно причмокнул.

— Кому сказки, а кому головная боль, — рассеянно ответил Лагранн и вдруг встрепенувшись, с интересом спросил: — Разве Братство не верит в Серых скитальцев или вам никогда не доводилось с ними встречаться?

— А мне почем знать, во что верит Братство? — буркнул нахмурившийся охранник. — Меня к столу, языком потрепать со старшими, не зовут. А с мужиками мы эти рассказы слушаем, ежели тока глотку хорошенько зальем. Вот тогда и сказочки к месту будут. Что до встреч всяких, немало я оборванцев повидал по трактирам: и серых, и бурых, и просто дерьмовых. Все они скитались, за кого не возьмись, все как один спасители, а ежели дармовую кружку поставить...

— Спасибо, Геник, — прервал его разглагольствования магистр. — Твоих познаний о таинствах ордена более чем достаточно. Если тебе не известно конкретное место нашего прибытия, тогда я попрошу бы тебя помолчать, нам с принцем нужно кое-что обсудить.

Подозвав к себе юношу, Лагранн деловито что-то зашептал ему у самого уха. Геник неодобрительно поглядывал на подобное своеволие, не проронив ни звука. Он сидел обиженный тем, что его личное мнение было высмеяно и выброшено, за ненадобностью, его же соб-

ственными пленниками. Но он утешал себя тем, что здесь ничего нельзя было поделывать — владыки, пускай даже связанные, оставались владыками. В таком направлении ворочались его нехитрые мысли, находя в нем нужное утешение. Власть, знаешь ли, не связать! Размышляя, поглядывал он глазами побитого, но преданного пса. Пускай насмеются, ежели платят золотом можно и потерпеть...

— С направлением, более-менее, мы определились, — сказал магистр и задумчиво оглядел всю повозку. — Осталось понять, как нам теперь выбираться?

— Можно прыгнуть — с юношеской беспечностью предложил принц, еще раз выглядывая за край мешковины. — Это не составит труда, повозка едва тащится, и лесок неподалеку.

— Разве ты сумел разглядеть все сопровождение? Кто знает, сколько верховых окружают повозку... Кто знает, — повторил магистр, обращаясь будто к себе, но при этом не сводя глаз с охранника.

Поежившись под его пристальным взглядом, Геник тяжело вздохнул. Его обиду пропустили мимо ушей, будто и совсем не заметив, а теперь еще надумали доставать мутными вопросами.

— Сколько верховых, да уж явно не полтора... Отряд будет, не меньше, — заметив, как недовольно сверкнули глаза магистра, Геник поспешил дополнить: — Пятеро верховых и перед нами еще телега, там поболее сидит... Дюжина наберется.

— А ты и точного счета своим не ведаешь? — ехидно усмехнулся принц. — Ничего не видел, ничего не знаешь...

— Да уж как есть, точного и не ведаю, — развел руками покрасневший охранник. — Меня сразу в повозку отрядили, покуда вас двоих паковали. А скольких еще приставили, я уж не знаю, коль вы важные птицы так, поди, поболее обычного будет.

— А обычно это сколько, — магистр продолжал давить, все сильнее напирая на обмякшего Геника.

— Обычно четверых хватает по бокам обоза. Может еще пара попереду, может позади.

— Все у тебя может! — огрызнулся принц. — Может тебя из повозки вышвырнуть, чтобы получше смог разглядеть?

— Не можна старого Геника из повозки выбрасывать, я же для вас здесь стараюсь! Мне теперь за всю мою доброту только две дорожки остались: или с вами, или на ближайшее дерево, как увидят, чего натворил... А я богатым теперь себя чую, не чета наемной жизни паршивой. Помирать мне теперь никак вот не можна!

— Ты не помрешь, если будешь предельно откровенен с нами и вдобавок полезен, — магистр поднялся и подойдя к краю повозки, мельком глянул в просвет между тканью.

Кроме промерзлой серой дороги и чахлой растительности, которая никогда не ведала буйства цветения и все же была куда живучей самых ярких цветов, он ничего толком не разглядел. Сквозь узкую щель едва пробивался тоненький луч света, и невозможно было понять направление движения, или хотя бы приблизительный час и расположение солнца. Магистр пожалел о том, что у него нет с собой карты и компаса, сейчас бы онигодились.

Размышления магистра о том, не прыгнуть ли самому и попытаться укрыться в ближайшем лесу, были прерваны внезапным толчком остановки. Необходимость в действенном плане наступила гораздо быстрее, чем им хотелось. Повозка замерла, еще поскрипывая от нагрузки, а снаружи уже слышались невнятные голоса. Магистр резко подался назад:

— Геник, наши клинки! А, ярость Изначального, давай хоть что-нибудь, хоть палку!

— Дык нетуть у меня ничего, господин! Вы же пленники здесь, а не гости!

— Тесак свой давай, хоть что-то... Или обратно мешки, будь оно неладно!

Тем временем что-то яростно просвистело. Продырявило плотную ткань и застряло в ящичке у самого уха принца. Что-то, оказавшееся стрелой, выпущенной из добротного лука, еще дрожащей, когда вокруг вразнобой засвистели ее товарки. Магистр рухнул на загаженный

пол, подминая под себя принца. Геник судорожно дернулся, захрипел, и остался сидеть, крепко пригвожденный к лавке. Выпучив глаза, он умирал богатым человеком.

Снаружи поднялись крики, ржание коней и лязг оружия. Смерть обрушилась на этот обоз, и магистр гадал, не пришла ли она за ними. Не поднимая головы, он подполз к мертвому охраннику, которому еще пару минут назад обещал свое покровительство и долгую жизнь. Ухватившись за рукоять его неуклюжего меча, магистр рванул вниз. Ножны заскрипели и поддались, их бывший хозяин накренился, угрожая завалиться своим телом на пленников. Магистр вжал голову в плечи, ожидая удара, но Геник, удерживаемый стрелой, не сверзился, и в руках у Лагранна оказалось хоть что-то напоминающее оружие.

Он с неприязнью оглядел топорную работу, которая ни в какие подметки не годилась клинку из гроденоргской стали. Выбор был невелик, и даже это кусок железа, с пятнами ржавчины и засаленный рукоятью, был куда лучше собственных кулаков. У магистра промелькнула мысль, что их прекрасные клинки, быть может, спрятаны в той же повозке, но он отбросил ее как нелепую выдумку. Приподняв голову, он оглядел тело несчастного Геника, которому золото явно пошло не на пользу. Споро отыскал нож у него за поясом, который заметил еще в самом начале. Оружие в такой ситуации совсем никудышное, и все же оружие. Во всяком случае, принц теперь был не с пустыми руками.

Между тем звуки битвы снаружи затихли, больше не было слышно и зловещего свиста стрел. Пребывая в сомнениях, Лагранн размышлял о том, что стрелы, быть может, предназначались не конкретно ему или принцу и залетели в повозку без намеренных целей, ну разве что забрать парочку жизней. И это им почти удалось.

— Кажется, все стихло, учитель, — принц, до того лежавший с испариной на лбу, пошевелился и поднял голову. — Я могу подползти и осторожно выглянуть.

— Стихло, — шепотом согласился Лагранн. — Следует обождать еще пару минут, как бы наша возня не переполошила особо нервных, тех, что с луками...

— Бедный Геник, — вздохнул юноша с жалостью взглянув вверх. — Он был в принципе не так уж и плох, я начинал проникаться к нему некоторой симпатией.

— Кто знает, была ли в его сердце тьма или, быть может, за маской жадности и невежества скрывалось мягкое и ранимое сердце? — магистр выглядел задумчивым и серьезным, и юноша подумал, что если это и была насмешка, то уж слишком жестокая.

— Пожалуй, поползу я, — помолчав, прошептал Лагранн. — Я еще не совсем уверен, чья жизнь более ценная — моя или твоя, и все же я старше, а старшим по традиции уступают.

Аллариану несложно было догадаться, что за пренебрежением и сарказмом магистр пытался скрыть волнение, не столько за себя, сколько за своего воспитанника.

Брешь в замусоленной занавеси, что скрывала от пленников свет желанной свободы, по-прежнему их манила, хоть уже и не столь сильно. Через нее ощутимо сквозило опасностью и риском неизвестности. Но не могли же они пролежать на грязном полу всю оставшуюся жизнь? Лагранн вздохнул и осторожно приподнял край навеса. Свет уже не слепил, склонившись к самому горизонту, он лишь одаривал мягким прикосновением сумерек. Однако после полумрака пыльной телеги, магистру все равно приходилось прикрывать глаза. Вскоре он разглядел целый отряд у дороги, пожалуй, многовато для ржавого клинка. Привыкая к закатному освещению, магистр внимательно изучал увиденное, не желая пороть горячку.

Черными плащами была устлана земля, многие из них были утыканы стрелами. Все еще оставшихся на ногах окружал всякий сброд, совсем не миролюбивого вида, вооруженный с ног до головы. Среди всей этой разномастной компании магистр сразу заметил ключевые фигуры. Они разительно выделялись на общем фоне и казались не имеющими ничего общего с остальными. Серый плащ — любимые лохмотья скитальцев, уверенные и ловкие движения. Сомнений почти не осталось... Вот только, что могло связывать Серого скитальца с этими

головорезами? Магистр не исключал банальную жажду наживы или же случайное распитие пары бутылок в ближайшей корчме.

«Не все ли равно?» — решил для себя он. Серые проходимцы лишний раз показали, чего они стоят, и ему уже не казалось столь странным видеть скитальца среди всех этих сомнительных личностей. Гораздо крепче приковал взгляд магистра другой, похожий на всех остальных и в то же время иной, по виду опустившийся аристократ, угодивший на самое дно разгула. Голтена Вик'Дерн он знал слишком хорошо, чтобы не признать его даже в затертых обносках.

«Это становится все интереснее» — подумал магистр, скрипя зубами, с усилием подавив в себе нарастающий гнев. — «Неужели старый лис, напоследок, задумал сменить полушубок на серый? На него это непохоже». Слишком давно магистр знал этого расчетливого сукиного сына. Никакие идеалы Серых не могли бы затмить его истинную цель и желания. Давно пора было принять в расчет его нарастающее своеволие... Вот только Лагранн всегда считал, что наделил своего поверенного достаточной полнотой власти. Сейчас это звучало наивно даже в его собственной голове, и магистр поневоле улыбнулся. Власть — несомненно, только это могло бы подтолкнуть преданного слугу к открытому неповиновению и предательству.

Взяв себя в руки, магистр заставил себя успокоиться, отчасти это помогло. Ему сразу пришла в голову мысль, что именно присутствие Голтена могло помочь изменить их незавидное положение. С этим человеком вполне возможно было договориться, разумеется, если опираться на разумные доводы. Омрачало лишь осознание того, что в предстоящем общении он — магистр, теперь был не в силах опираться на свое высокое положение, к которому так сильно привык. Это могло обернуться серьезным препятствием, но Лагранн верил в силу своей харизмы, и все еще рассчитывал на долю уважения от бывшего поверенного. В самом деле, не мог ли этот человек ненавидеть его все долгие годы, в точности выполняя непростые поручения и ничем не выказывая признаков будущего предательства? Сейчас это и предстояло выяснить.

Принц тихонько подполз к магистру, и некоторое время с интересом изучал все то, что погрузило последнего в молчаливое созерцание.

— Старые знакомые? — кивнул юноша, довольно быстро признав Голтена среди прочих. — Мне казалось, он ваш человек, учитель?

— Долгое время мне так тоже казалось... Быть может, это все еще так, но я не стал бы хвататься за столь тонкую соломинку.

— В нашем положении любая соломинка идет в счет, — рассудительно заметил принц. — Кривой нож и ржавая железяка в умелых руках способны наделать шума. Вот только тех парней впятеро больше нашего.

— Пробиваться с боем, за славой и смертью, мы не станем. И количество стрел над нашими головами, прямо указывает на то, что мы не успеем сделать и пары шагов, как нас пригвоздят обратно к повозке.

— Остается еще способ договориться, — Аллариан обвел взглядом пыльное нутро телеги, в надежде отыскать весомый довод для переговоров. Не найдя ничего стоящего, разочарованно вздохнул: — Наверняка никто из них не догадывается, кто скрывается в этой повозке. Судя по их лицам, они не спешат, полагая, что добыча от них уже никуда не денется.

— Был бы внутри кто живой, он непременно бы выскочил на подмогу своим собратям, если, конечно, до него не добрались стрелы. Это написано на их лицах. Самое простое суждение зачастую самое верное. Хорошо, мой мальчик, время поприветствовать наших освободителей. Не стоит медлить, я вижу факелы. Кто знает, не хотят ли они просто-напросто спалить ненужные для себя трофеи... Как и решили, я пойду первым, вид принца, утыканного стрелами, может вызвать во мне дурноту.

Аллариан усмехнулся, но настаивать не стал. Для себя он твердо решил, что не отстанет от учителя ни на шаг. — Добрые люди! — магистр, приподняв ткань как можно выше, стара-

тельно прятал голову за бортом телеги. — Прошу вас повременить со стрелами, мы всего лишь несчастные пленники и не представляем угрозы...

Словно и не расслышав просьбы, заскрипела тетива, и затрещали механизмы арбалетов. Засуетились факела, и удивленные лица обернулись к телеге. Магистр уже решил, что слишком поспешил со своим приветствием, и теперь знакомства с арбалетными болтами им наверняка не избежать. Но следом прозвучал звонкий окрик: не слишком властный, но достаточно твердый:

— Опустить арбалеты! Мечи из ножен! Окружайте телегу!

Голос принадлежал человеку в сером. Скиталец явно был здесь за главного. — Ты, кто бы ты ни был, можешь показаться из телеги. Мы не тронем тебя, даю слово. Но помни, без глупостей. Не нужно давать повода, разрядить в тебя арбалеты.

Легко перемахнув через борт, Лагранн изящно спрыгнул на землю. Ржавый тесак он предусмотрительно оставил среди ящиков. Надобность в нем отпала, и весомым доводом в переговорах служить он не мог, разве что разозлить пуще прежнего окружавших молодчиков, которые и без того не отличались покладистым нравом. Принц бесшумно выскочил следом. Нож он спрятал за поясом, прикрыв его плащом. Мало ли что. Вдруг красноречие магистра и умение убеждать, на сей раз, оказалось бы недостаточным. Нож вряд ли исправил бы ситуацию, но его присутствие вселяло чуть больше уверенности.

— Ваше Высочество, Магистр! — Голтен сдержанно поклонился, молодой скиталец, с интересом глядел на подошедших. — Не ожидал встретить вас в этой глуши. Братство Шипа и Мести частенько промышляет контрабандой и краденым, но столь дивный груз в его обозах повстречаешь нечасто...

— И я рад тебя видеть, Голтен, — магистр ответил одним небрежным кивком всем присутствующим. — Мне интересна твоя, несомненно, захватывающая история о любви и предательстве, но соблюдая манеры, пожалуй, для начала представимся.

— Лейн, Серый скиталец, к вашим услугам, — поклонился молодой скиталец, с интересом взирая на подошедших. — Голтен прав, это и впрямь неожиданная встреча. Возьму на себя смелость представить остальных: Бугарт, Лорин, Кельин, Фаран, Туркен, Кварон, Херд... — обводил рукой он разношерстную компанию, каждый из которых, несомненно, представлял интерес, если бы Лагранн удосужился, хотя бы взглянуть на представленных. Впрочем, магистру явно было безразлично, кто из них Кельин, а кто Херд; все его внимание занимали лишь те двое, что стояли перед ним. Принц из вежливости кивнул каждому, но, как и магистр, он быстро смекнул, что все эти разудалые забияки всего лишь наемные клинки, и они совсем не торопились вступать в разговор. Решения принимали здесь только двое.

— Очень необычная компания, — откровенно признался магистр. — Даже затрудняюсь сказать: радоваться нам или печалиться...

— Что вы, магистр! — скиталец выглядел откровенно удивленным. — Мы и не подозревали, что скрывают в себе эти телеги. Вам опасаться нечего. Скитальцы не враждуют с Белым Крылом и не убивают королевских наследников.

— Спасибо и на этом. Хотя мне всегда казалось, что отношения между нашими организациями, несколько кхм... натянутые. Особо после того, как стало известно, что скитальцы убивают моих лучших людей.

Лейн поджал губы и решительно мотнул головой: — Мне ничего об этом неизвестно. Когда я покидал стены Убежища, все досточтимые адепты были живы, и никто из моих братьев не был очернен подобными обвинениями...

— Ах, если бы все оставалось так, как вы и говорите, мой дорогой Лейн. Видимо, немало времени прошло с тех пор, как вы покинули стены Убежища. Уж очень многое изменилось с тех пор...

Голтен, казалось отстраненно наблюдавший с видимым безразличием, неожиданно вмешался:

— Послушайте, Лагран...

— Магистр! Я все еще Верховный магистр!

Устало потерев лоб, поверенный поморщился.

— Для меня это уже не имеет никакого значения, магистр вы или нет.

— Ах вот как? Забавные метаморфозы происходят там, где меньше всего их ожидаешь.

Позволь спросить, что же тогда все еще имеет для тебя значение, Вик'Дерн? Быть может, я попробую осмыслить значимость тобою сказанного?

— Если отбросить издевки, слишком наглые, как для найденыша среди бочек, я отвечу. Имеет значение небывалое расползание тьмы на востоке. Орды искаженных во главе с Коронованными, время до новых ударов... которое почти истекло. Все остальное уже не имеет значения.

— Свет серебра! Голтен, неужели ты поверил во всю эту чушь? Я бы не удивился, услышав подобное от Лейна, — магистр едва кивнул в сторону скитальца, — или еще от какого-то серого. Несомненно, подобные байки вполне соответствуют им по духу, тем самым, они хоть немного скрашивают бессмысленность своего существования. Но чтобы ты, мой старый друг, поверил в это так просто!

— Когда я лежал в грязном трактире на отшибе цивилизации, распоротый до самого подбородка, ни одна живая душа не поинтересовалась о моей участи. Мой старый друг...

— Не думал, что тертый и закаленный солдат может быть настолько ранимым...

— А вот у меня было достаточно времени, чтобы подумать! — на сей раз поверенный прервал магистра нагло, как само собой разумеющееся. — Подумать о том, что рассказал мне Эйстальд, о том, какова моя роль в этих надвигающихся событиях.

— Эйстальд — прохвост и убийца!

— А разве мы — нет, Лагранн?

Магистр не то, чтобы смутился, но вскоре перевел взгляд на принца, словно ища поддержки. Аллариану еще не совсем была ясна суть разговора, он просто чувствовал, что обвинения, сыпавшиеся на учителя, не были беспочвенными.

— Я вижу, что упреков к друг другу у нас всех накопилось немало, — Аллариан старался казаться взрослее и опытнее, у него это неплохо получалось. — Почему бы нам не оставить все разногласия ровно на то время, что потребуется для поездки к ближайшей корчме или постоялому двору, дабы за кружкой чего-нибудь крепкого продолжить препираться в тепле и уюте.

— Мальчишка дело говорит, — сказал Голтен, окинув взглядом дорогу, на которую почти опустилась ночь.

Отряд братства Шипа и Мести перестал существовать. Раненые больше не стонали, сами или при помощи стали, отправившись вслед за убитыми еще в самом начале. Фаран и Херд споро работали лопатами, скиталец настоял на том, что они не оставляют мертвых под открытым небом. Лейн один выглядел недовольным и был категорически против убийств. Голтен недоуменно пожимал плечами. Как он вообще планировал раздобыть золото и наемников без каких-либо убийств? Кто поймет этих скитальцев... Впрочем план, умело посеянный им самим и давший плоды в голове у скитальца, был не так уж и плох. Раздобыть золото, набрать как можно больше толковых людей: отряд, а лучше уж скромную армию... Отправится к Селлтирианду и уже на месте попробовать разобраться, с чем предстоит иметь дело на востоке. Лейн полагал, что мудрости Хранителей и количества свитков вполне хватит для этого. Он был молод и еще не оброс недоверием, Голтен это сразу подметил. Сам он не верил в Хранителей и уж тем более в свитки, и вполне допускал, что наемники могут пригодиться, если Серые

окажутся не слишком сговорчивыми и откажут им в радушном приеме. Зимовать в сугробе, за обочиной очередного тракта Голтен не хотел.

— Мы здесь и так задержались, как бы не нарваться на подкрепление, — поверенный повернулся к скитальцу. — Пора уходить. Собираем людей, пусть не выпрягают телеги, все это добро еще может нам пригодиться.

— Что с ними двумя? — кивнул Лейн в сторону магистра и принца. — Не оставлять же их здесь посреди дороги?

— Не оставим. Возьмем с собой, вполне пригодятся... хотя бы для выкупа. За магистра адепты возможно и не шибко отвалят, если он им вообще еще нужен. Что до принца, то папаша в нем души не чает. Торговаться долго не станет.

— Мне противно это слышать. — Аллариан брезгливо поморщился. — Я был о вас лучшего мнения, Голтен. Сколько раз мне доводилось слышать, как высоко отзывался о вас магистр. Он не раз повторял, что на вас можно положиться.

— Почему же нельзя? — удивился поверенный. Он уже не стоял празднично на месте, а не теряя времени, помогал своим людям со сборами в дальнейший путь. — На службе у магистра я оставался карьеристом и исполнял обязанности беспрекословно, жажда однажды заполучить всю полную власти... Чего уж скрывать, я и сейчас ее жажду. Вот только путь выбрал иной, более прямой и свободный... Тебе невдомек, принц, как сильно можно утомиться от службы. От очень долгой службы.

Аллариан с сомнением глядел на поверенного: — Мне казалось, что мы можем стать союзниками, а не торговать свободой другого в угоду своих интересов.

— Оставь это, мой мальчик, — мягко ответил Лагранн. — Нас просто пытаются выставить на посмеище, нам нужно быть выше этого.

— Да бросьте, магистр. Мне попросту наплевать на ваше величие, впрочем, как и всем остальным здесь присутствующим. Ваша бесславная гибель в ближайшей канаве, никому здесь не принесет выгоды. Просить вас о помощи в пару сотен клинков магистрата — бесполезное дело. Быть может нам удастся получить от вас хотя бы пригоршню золота.

Лагранн хмыкнул и не сказал ничего, потирая руки у себя за спиной. Его лицо скривилось в насмешке, а следы от недавних побоев зудели не переставая. Торговаться он не привык, а уж торговаться за собственную свободу для него было в новинку.

— Зачем же тебе клинки Белых Плащей, Голтен? Или ты уже успел убедить своего нового друга, что идешь к порогу его дома с пожеланием мира?

— Вы правы, Лагранн. Я направляюсь к дому Серых скитальцев и, в отличие от некоторых, я иду туда с миром, поскольку был приглашен. И вы отправитесь с нами. Мы постараемся извлечь из вашего освобождения хоть какую-то выгоду.

— Если пойдет слух, что Серое Убежище удерживает нас силой, — Лагранн многозначительно оглядел присутствующих. — Все вы понимаете, что наследный принц и Верховный магистр — это не пара пьянчуг с позабытой деревни. Нас будут искать и нас отыщут. И никакие стены не удержат воинство Магистрата и королевскую гвардию. Даже стены Селлтирианда.

Голтен усмехнулся и повернулся к Лейну с видом «а я же тебе говорил». Скиталец кивнул и видя, что все готово, велел седлать остальным коней. Телеги нашли себе новых владельцев, поскольку прошлые теперь кучно лежали в земле. Нескольких взяли в плен, и скиталец понимал, что сделано это было только ради него. Лейну претила пролитая кровь и спешно закопанные тела, в легкой доступности для Искаженных. Но что было делать, на костер времени не оставалось. Братство Шипа и Мести не захотело так просто сдавать свой скарб, очутившись в засаде. Они предпочли бой. Лейну нужны были эти припасы и золото, нужны были как никогда. Ведь все, что рассказал ему Голтен внушало больше, чем просто тревогу. Поначалу он не доверял этому человеку, но события памятной ночи заставили скитальца взглянуть по-иному на бывшего магистратского пса. Под прочной скорлупой цинизма, Лейн разглядел в нем честь

и амбиции, а еще разглядел страх. Вик'Дерн не лгал: он действительно отыскал Эйстальда, получил от него важные сведения и борозду через всю грудь, которая едва не стоила ему жизни.

Теперь все было иначе. Они еще не стали друзьями, но взаимную выгоду от совместного пути получали оба. Вместе с поверенным ему удалось довольно быстро набрать весомый отряд прожженных рубак и воителей. Голтен умел убеждать и со скромным количеством золота. Они потратили все свои запасы, даже те, что скиталец намеревался отвезти в Серое Убежище. И пускай. Вложения оказались крайне прибыльными, и за неделю пути им удалось отбить затраты с лихвой.

Грабежи для скитальцев были не в новинку, вот только подобное не поощрялось, совсем наоборот — разбой презирали. Поэтому Лейн каждый раз чувствовал себя довольно паршиво, когда планировался очередной налет. Цели он выбирал на пару с Голтеном, не раздумывая, отметал торговые обозы или сельские телеги. Как не старался убедить его поверенный в том, что это вынужденная необходимость, скиталец был непреклонен. Грабить он позволял лишь посты Магистрата, которых, с последнего времени, сильно прибавилось, или же королевские обозы. Поскольку и то и другое хорошо охранялось, им приходилось мириться с потерями, но и улов был куда лучше, нежели из мужицкого возка.

Конечно, все это ни магистру, ни принцу знать было необязательно. Путь домой теперь предстоял не с пустыми руками и, хотя Лейн сомневался, что Хранители оценят его появление с отрядом головорезов, да еще и магистратским псом в придачу, он намеревался идти до конца. Пожалуй, убедить стариков будет непросто, но помимо столь необходимой им сейчас силы, он принесет сведения об Эйстальде и о Великом Клыке, а это многого стоит.

В целом план был достаточно шаткий и держался на одних только предположениях, именно поэтому должен был сработать. Ведь не станет же Селлтирианд отвергать помощь, в тот самый час, когда она так необходима? Или же станет... Лейн тяжело вздохнул и взялся за поводья.

Магистр еще не решил, было ли лучше ехать безоружным верхом, в окружении до зубов вооруженных и не слишком приветливых личностей, или же ехать среди ящиков в телеге. Взвесив все за и против, он смог признать, что несмотря на кажущуюся безопасность, повозка осточертела ему изрядно. А поскольку им предоставили лошадей, могло стать так, что их держали за равных. Или же, возможно, так было проще их зарубить.

Обозначив точку соприкосновения обоих вариантов где-то посередине, Лагранн взглянул на принца. Его Светлость держался в седле легко и непринужденно, и вовсе не выглядел пленником. Следы долгой ночи и отметины от щедрых побоев братства его почти миновали, и принц не был похож на завсегдатая подворотен. Магистр осторожно ощупал свое лицо. Отеки понемногу спадали, но до возвращения в привычную форму было еще далеко. Даже будь у него с собой зеркало, он все равно не хотел бы в него взглянуть, не таким привык видеть Лагранн свое отражение.

Конь под магистром не был породистым, да и норовистым назвать его было нельзя. Он определил это сразу и быть может, в другое время, такое обстоятельство пришлось ему не по вкусу. А сейчас он даже рад был столь умному и покладистому животному. Его измученное побоями и не слишком комфортным путешествием тело ныло и болело в седле, но магистр почти убедил себя не обращать на это внимание. Избавившись от плена, они, скорее всего, очутились в новом, пускай и ощутимо улучшив свое положение. Со свободными руками и без вонючего мешка на голове.

Магистр принялся даже осторожно загадывать в будущее, раздумывая, куда подевались его и принца клинки. Достались они головорезам-спасителям, или члены братства избавились от них по пути? Он тешил себя мыслью, что еще почувствуют знакомый хват рукояти и полюбуются слепящим блеском отточенной кромки, хоть и в глубине понимал, насколько эфемерны эти надежды. Если ему суждено было лишиться своего лучшего клинка, магистр твердо решил,

что следующий он раздобудет себе не хуже. Серебряный Шторм вполне мог стать достойной заменой.

Пока Лагранн неспешно трусил, предаваясь своим мыслям и выстраивая новые планы, рядом с ним поравнялся Лейн. Глядя на него, магистр понял, что ему не избежать разговора.

— Магистр, если даже на мгновение, скажем, как бредовую фантазию, предположить, что произойдет возвращение Изначального... Какую сторону займет Магистрат, какую займете лично вы, магистр?

Насмешливо глядя на этого молодого скитальца, Лагранн точно не мог определить, где в нем скрывалось столько глупости.

— Если отдался столь бурной фантазии и предположить, что такое и впрямь возможно, вопрос все равно остается бессмысленным. Магистрат основан людьми и служит он во благо людям. Мы всегда будем на стороне человечества... Я всегда буду на стороне обыкновенного труженика...

— Ой, магистр, ну что вы? — Лейн улыбнулся. — Неужели вы хотите завербовать меня в свои ряды, к чему тогда вся эта бравада? Я рассчитывал на несколько большее откровение. Хотя бы, как признательность за ваше спасение.

— Так это все же спасение?

— А разве вы не считаете его таковым?

— Признаться, выглядит довольно похоже. Тогда я бы хотел, чтобы нам вернули наши мечи и позволили ехать своей дорогой.

Молодой скиталец некоторое время молчал, то ли разглядывая столь интересный пейзаж вокруг них, то ли обдумывая предложение.

— Вы знаете, Лагранн... Я ведь могу вас так называть? Я уже успел приглядеться к принцу, и послушать некоторые его мысли. Несмотря на раздражение, вызванное в нем бесцеремонным поведением Голтена, мальчик явно симпатизирует скитальцам, и мне кажется, дорога к Селлтирианду вполне может стать и его дорогой, по личному выбору. Он видит в нас то, что упорно отрицаете вы, магистр. Возможно, единственный верный путь. Путь к миру.

— Мальчишка еще слишком юн и в силу этого обстоятельства немного наивен. В его возрасте простительно грезить о приключениях, и видеть героев в тех, кто ими не является. Пройдет немного времени, и он поймет, что порядок и благополучие невозможны без твердой руки в железной перчатке. Магистрат — это прежде всего опора, и если его вынуждают сжимать руку в кулак, он становится силой, с которой стоит считаться. Вы же, скитальцы... — Переведя дух от столь длинной тирады, магистр замолчал, раздумывая, не слишком ли он поддался красноречию. Однако ехавший рядом с ним Лейн молчал, с интересом дожидаясь продолжения, и магистр решил закончить начатую мысль, — Сборище бродяг и дешевых романтиков! Вы не способны хранить мир не то, что на всем континенте, даже собственный дом вам не удержать от забвения!

— Нас слишком мало, магистр, и с каждым годом становится все меньше...

— Ха! Вас было вполне достаточно, еще не забылись те времена. А каков результат? Кучка отшельников прозябает среди камней на краю севера! Но вы все еще колобродите воду. Разводите муть, сеете смуту, подрываете порядок. Убиваете тех, кто превзошел вас во всем, кто становится для вас опасным. И вы все еще считаете себя силой, способной остановить Изначального?

— Все еще не можете отпустить призрак Керрика?

— А вот здесь, я попросил бы быть предельно аккуратным! — Лагранн сжал губы в тонкую линию, и в его глазах в открытую полыхнул огонь. — Ты ничего не знаешь о моих призраках, и можешь не тратить мое время, пытаясь убедить меня в том, на чьих руках кровь моего воспитанника!

— И в мыслях не было. Мы все здесь знаем, что Эйстальд в бою сразил Керрика. А еще я знаю Эйстальда достаточно давно, чтобы поручиться за него. Он не убийца и, наверняка, честно защищал свою жизнь.

— Какие мы все тут благородные и честные! — Лагранн горько усмехнулся, с трудом сдерживая боль. — Получается, никто не виноват, все только хотели как лучше, а по итогу именно Магистрат лишился лучшего из лучших.

— Да ведь мальчишка просто не оставил ему выбора, — подъехав сбоку, Голтен уже давно прислушивался к разговору. — Он не оставлял его никому. Самоуверенный, наглый, беспринципный...

Лагранн силой дернул коня, отчего бедное животное, с недоумением, принялось разворачиваться на месте.

— Довольно! Я не потерплю оскорблений от такого, как ты — лакея и предателя, жаждущего одной лишь наживы!

— Тогда, быть может, разрубите меня своим гневом? Клинка-то у вас не видать... Или состряпаете прямо здесь указ о моем колесовании? — Вик'Дерн неприятно улыбался, но его взгляд оставался холодным, не оттаивая от бушующего пламени магистрата. — Бросьте вы это, Лагранн. Вы здесь не на правах Верховного магистрата, и нечего разбрасываться угрозами и оскорблениями. Да всему Эллрадану было известно, что Керрик неуравновешенный садист. Только для вас он все еще оставался любимцем и какой-то там надеждой. Попади ему в руки вся полнота власти Белого Крыла, он, несомненно, утопил бы королевство в крови! Мы прекрасно знали, на какие выходки он способен, и многие из них мне приходилось за ним исправлять. Лучший из лучших...

Дорога вилась при свете факелов и монотонном постукивании копыт. Лагранн, совладав с гневом, смотрел поверх отсветов огня куда-то во тьму. Казалось, он искал совета у далекого прошлого или глотал горечь услышанного, которое пятнало память о нем.

— Ведь он был Сребророжденным — редкая удача. Можно сказать, реликт ушедших эпох. Он нужен был Белому Крылу, как никто другой. Но что тебе до наших нужд или до лунного серебра? — магистр покачал головой, без особой злобы взглянув на поверенного. — Тебя ведь всегда интересовала только власть и золото, Голтен, ты умел это скрывать, но что-то все равно просачивалось наружу. А когда при тебе упоминали селлестил, почти неуловимо, но ты менялся в лице. Я, бывало, гадал, что это могло означать? Гадал, но никогда не принимал это слишком серьезно. Как видимо, зря...

— Керрика уже нет больше с нами, и нужно жить с этим дальше, — Вик Дерн сказал это как можно мягче, он ни разу не видел магистрата столь старым и обделенным. — Но вы, Лагранн, еще можете попробовать спасти этот мир. Можете помочь своему народу.

Глядя на Голтена, Верховный магистр беззвучно шевелил губами, выискивая в себе толику оставшихся сил:

— И что же вы от меня ждете? Что я ринусь целовать руки убийце моего воспитанника? Отдам ключ от Магистрата в руки дряхлых безумцев из промерзших пещер? Нет! — Лагранн решительно тряхнул головой. — Вы правы, я еще в силах остановить все это. В силах спасти мир, удержав его от падения!

— Учитель, мне кажется, Голтен не совсем это имел в виду. Он не призывает вас ни перед кем преклоняться...

— Да, да, да... Он всего-навсего хочет, чтобы я отдал ему Белые Плащи и королевскую гвардию в придачу! — Резко обернувшись к принцу, магистр с трудом сдерживал раздражение. — Быстро же тебе задурили голову, мой мальчик! Всего-то парочка слов с одним из скитальцев, и ты уже готов давать мне советы, как поступать с заклятыми врагами Эллрадана!

Аллариан вспыхнул от незаслуженного укора и неловко заерзал в седле.

— Нет ничего плохого в советах, если они искренни и исходят от сердца! Пусть даже если эти советы исходят от младших. Послушайте, учитель, мы ведь сейчас не в том положении, чтобы не глядя, отвергать предложенную помощь. Быть может, нам все же нужно с чем-то примириться и попробовать совместно найти решение?

— Принц, несмотря на свою молодость, говорит на редкость разумно, — первым подхватил Лейн. — Мы не будем никого удерживать силой, по крайней мере, до первого постоянного двора или селения. Отпускать же вас сейчас одного во тьму, магистр, или на пару с принцем, будет поистине медвежьей услугой. На трактах процветает разбой, да и кое-что похуже отыщется...

— Если бы мне вернули мой меч, я, пожалуй, справился бы с кучкой пропитых дегенератов, и потом, если вы вдруг не намерены отсыпать монет в мои пустые карманы, у меня все равно нечего грабить.

— А со стаей свирепых гурлуков-потрошителей, вы тоже в состоянии справиться? Ведь им не нужны будут ваши монеты, только ваша кровь и кишки. И если даже предположить, что вы справитесь, — поднял руку скиталец, дав понять магистру, что еще не окончил, — вполне вероятно, такая резня привлечет внимание Коронованных. Слух о том, что они появляются все чаще и кого-то неустанно разыскивают, давно уже перестал быть просто слухом. Такова на сегодняшний день реальность. Быть может, они ищут вас, магистр?

— Скорее уж Сребророжденных, на черта им обыкновенный старик? — отмахнулся Лагранн. — Если даже на секунду представить, что все это правда, мы сумели бы о себе позаботиться!

— Вы так считаете? Мне бы вашу уверенность, магистр. Похоже на то, что вы сильно недооцениваете всей угрозы, которая расплзлась от Болот. Наш общий враг был и всегда остается Изначальный, как и его наследие.

— Изначальный не убивал моих учеников, — скептически заметил Лагранн. — Да и вообще, если бы не его влияние, быть может, линия Сребророжденных так никогда и не проявилась. Мы с вами, отчасти, его потомки.

Молодой скиталец поморщился, будто впервые как следует рассмотрев магистра. Такая точка зрения была ему неприятна.

— Очень спорная мысль. С таким же успехом можно считать, что камни небес, принесшие в мир огненный хаос, подарили нам новое будущее.

— А разве нет? Разве селлестил не был даром свыше? Разве не эти удары, породившие хаос, принесли с собой лунное серебро?

— Полемика, — пожал плечами Лейн. — Хаос, быть может, и есть спасение от пустоты, но в его недрах сгорают. Изначальный не был изначальным злом, но он захотел им стать. Он выбрал дорогу зла.

— Быть может, его слишком рано остановили, и все эти жуткие твари, выводки его руки, нечто промежуточное, а главное свое творение он просто не успел закончить?

— Интересные мысли бродят в коридорах Белого Крыла. Недаром многие его adeпты так охотно склоняются к темным знаниям.

— Мы сейчас всего лишь рассуждаем, а не обмениваемся идеологиями. Мыслить не как все — это еще не преступление, — магистр разочарованно глядел на скитальца. — Ваши устаревшие догматы слишком беспомощны, чтобы без оглядки следовать им. Я не утверждаю, что Изначальный был спасителем или же абсолютным злом, в мире полно оттенков, которые не разглядеть даже под пристальным взглядом. Я только говорю о том, что мы не смогли постичь всех его замыслов, нам даже было неведомо, как сильно изменил его селлестил и сколько в нем еще оставалось от человека.

— Хотите сказать, зря мы ему помешали? — покачал головой Лейн. — Нужно было дать Изначальному больше времени? Подумаешь — тысчонка одна, другая. Что они, эти жизни, в руках великих...

— Это всего лишь мысли, молодой человек, — сухо заметил Лагранн. — Рассуждения уставшего старика. Стоит заметить, что ничего подобного я не вкладывал в умы юных адептов, не подталкивал в поисках истины. Некоторые приходили к подобным измышлениям самостоятельно...

— В том числе и Керрик?

— Само собой. Недаром он стал Первым адептом. Керрик был слишком умен, чтобы на веру принять байки о тирании Изначального и великих освободителях Серебряного ордена. Все мы знаем, что история пишется теми, кто последними устоял на ногах.

— Выходит, Серебряный орден только всем навредил? Не противиться нам нужно было, не сражаться, а помогать? Пятеро Коронованных — все еще слишком мало, особенно для вас, Лагранн. Жаль, что Изначальный не успел исказить еще десяток этих милых созданий.

— Брось это, мальчик. Ты хотя бы знаешь, откуда они взялись?

— У нас в Сером Убежище мнения бытуют разные на этот счет. Будто были они однажды людьми: могучими и великими, вроде вас, магистр... Великими гордецами. Изначальный благосклонно принял их, ведь они, как и вы, считали, что он не абсолютное зло, и замыслы его еще не открытая книга. Они пришли к нему на поклон, за силой и властью, и были забыты, до самой поры, пока они не вернулись вновь... его беспрекословными слугами. Кхфаар, Бархаур, Грокхан, Дурхур, Хагрэнд... Изначальный дал им силы, огромной силы, вот только не той, которой они так возжелали.

Лагранн ехал, слегка покачиваясь и прикрыв глаза, казалось, он был слишком утомлен этим разговором:

— Занимательный урок истории, несомненно, в тебе есть задатки хорошего учителя. Быть может, Хранителям не стоило гнать тебя в поле, а более тщательно готовить из тебя следующего приемника?

— Спасибо, магистр, — Лейн признательно кивнул, не скрывая улыбки. — Вы мне льстите. На самом деле у нас никого никуда не гонят и ни к чему не принуждают. Каждый вносит вклад по своим силам и каждый выбирает свой путь и, если путь этот длится достаточно долго, вероятно, он приведет в круг Хранителей. Разумеется, своеобразие и нежелание слушать советы, зачастую, укорачивают и без того этот нелегкий путь. Я привык доверять своим братьям и внимательно слушать Хранителей, поскольку между моими знаниями и мудростью старейшин пролегает пропасть.

— Интересно, какую мудрость поведают они, когда увидят весь этот сброд, который ты ведешь к их дверям.

— Их двери — это и мои двери, — отрезал скиталец. — Я надеюсь, что смогу объяснить, как нам это необходимо. Что в надвигающейся буре каждый клинок на счету...

— Не знал, что бурю можно остановить острием клинка, — язвительно заметил Лагранн. — Стихия свирепа и неконтролируема.

— И все же мы попробуем. Разве не для того был основан Серебряный орден в давние века? Разве наше истинное предназначение не в том, чтобы остановить тьму, которая остальным не под силу? Разве Белое Крыло не давало клятву хранить мир и сражаться со злом?

— Да что вы все, в самом-то деле!? — почти сорвался на крик Лагранн, напугав понурых лошадей. — Какое еще абсолютное зло? Отчего вам везде мерещатся монстры, предвестники тьмы? Я скажу вам, скиталец то, чего вы видеть не желаете! Зло, оно ведь в каждом свое: хлебнул мужик больше водки, в корчме вечером, озверел, и бабу свою кулаком приложил. Вот где зло! Или же от праздности и безделья собралась толпа, и вместо работы положенной, да пользы какой, подавай им погром и насилие. Вот какое оно зло — от праздности, безделья,

мыслей ненужных и вредных. Когда же мужик при деле и дела у него не кончаются, тогда и зло в нем не успевает прорасти. Вот как нужно со злом бороться: контролировать, направлять, да вовремя сорняки выпалывать. Отара, лишившись пастуха забредет в такие дебри, где одно зло и растет...

Голтен громко выругался несколько раз, так, что у принца покраснел затылок.

— Выходит, по-вашему, Лагран, пьяный мужик — корень всех бед. А уж если он домой хмельным завалится, то куда тягаться с ним всем Коронованным вместе взятым? Он же на месте халупы своей, такую цитадель воздвигнет, что сам Изначальный от страха портки обосрет!

— Я считал тебя умнее, Голтен, или ты слишком хорошо прикидывался. Как же мне надоели все эти байки о темных башнях, живых мертвецах и ужасных монстрах...

Окончить фразу магистр не успел, ведь его презрительные насмешки заглушил звук, порезающий тьму, как бумагу. Клекот, переходящий в пронзительный визг и мерзкое бульканье, будто лопались пузыри из размоченной плоти. Немногие в отряде знали, что означают эти звуки, но каждый почувствовал своим нутром, что где-то во тьме, куда не дотягивался свет факелов, дорогу загородило нечто жуткое, вполне возможно, то самое, настоящее зло. В чем теперь и предстояло убедиться магистру лично.

Селлтирианд

Эйстальд широко потянулся и с удовольствием почувствовал, как хрустнули плечевые суставы. В воздухе ощущался отчетливый привкус холода, и кругом уже всю властвовала зима. Эти родные, суровые тропы севера... Он успел заскучать за ними. Икларентид остался далеко позади, и несколько дней размеренного пути дали им возможность отдохнуть и почувствовать себя вновь отрешенными странниками. Эйстальд все еще терзался правильностью своего выбора: возможно, нужно было настоять на своем и забрать Айли с собой, пусть даже силой. Какая же глупость порой закрадывается в голову!

Айелия решила остаться в Икларентиде и разгрести все эти горы нелегких последствий, и никакая сила не смогла бы повлиять на ее решение. Нужно было остаться вместе с ней — помочь, уберечь, ни на минуту не оставлять ее беззащитной... Все это возможно было в другом мире, где зло было окончательно уничтожено, и небеса не грозились в любой момент разверзнуться новыми ударами. А может, стоило послать все, в том числе и конец света, куда подальше? Вдохнув, скиталец покосился на Гелвина. Замечал ли старик его смятение? Он был готов поспорить, что замечал. Старый бальтор замечал немало, и все же хорошо, что он был рядом. В его уверенности и неунывающем взгляде, скиталец черпал новые силы. Немногом тешит мысль, что Икларентид им удалось спасти, если только это можно было назвать спасением.

— Как думаешь, она справится? Вдруг чертов туман вернется и...

Гелвин закатил свой единственный глаз, и если бы не повязка на втором, выражение его лица было бы более красноречивым.

— Старик, я не знаю ничего, с чем бы она была не в состоянии справиться! Айли пробыла в городе, переполненном ужасом, достаточно долго, и справлялась со всем куда лучше нас, а ведь сейчас там гораздо спокойнее.

Эйстальд одернул мешок на плече и мимолетно подумал о том, как давно он не бывал в седле. Увы, после того как туман оставил город в покое, в нем не нашлось ни единой живой лошади, впрочем, как и любой другой живности. Если не удастся наладить поставки до заморсков, то вдобавок ко всему пережитому, оставшимся бедолагам грозил голод...

— Ты правильно сделал, что решил не задерживаться, — убежденно сказал бальтор. — Мы, конечно, в травах достаточно «варим», и помощь наша была бы не лишней. Вот только зачем делать припасы, когда над башкой уже молот навис?

Скиталец вопросительно взглянул на Гелвина.

— Да, да, не смотри так удивленно, ты и сам понимаешь, к чему это я. Первые дни мы помогли всем, чем смогли, даже старого сумасброда Гвидена отыскать сумели. Жаль только времени не хватило, как следует вином его подлечиться, в башне, под звездами. — бальтор мечтательно облизнулся: — Эх, погуляли бы! И все же ты верно решил, пора было в путь. На кой нам мусолить последствия от тумана, если и так понятно, что его появление — дело рук Коронованных. Это как черпать воду ложкой, когда лодка идет ко дну! Нет, нам по-прежнему нужно в Селлтирианд, в этом ничего не изменилось; только там мы сможем найти помощь и совет.

— Помнится, мы собирались просить помощи едва ли не в каждом попутном городке, — невесело усмехнулся Эйстальд.

— Ты же видишь, как вышло? Куда ни сунься, везде похожая канитель. То ли, зараза, привязалась за нами, то ли мир на грани конца!

— Скорее всего, все вместе. Эх, если миру приходит конец, может не стоит и дергаться, а лучше всего встретить его с теми, кто еще дорог?

— Вот потому я рядом с тобой и можешь меня не благодарить! — хохотнул бальтор, наслаждаясь выражением на лице друга. — А если серьезно, то ты лучше не куксись, скиталец, не накручивай. Ты еще увидишь свою травницу, я это нутром чую... Неужели ты и впрямь захотел бы остаться, домишко в городе подыскать? Ведь пустующих теперь там хватает. А дальше оладушки на завтрак и засыпать с ней в обнимку?

— Нет! — ответ прозвучал слишком быстро, чтобы выглядеть убедительным, и они оба это понимали. — Сейчас нет... еще нет. Нужно покончить со всем этим, сами разворошили, сами исправляем. Больше некому. А потом, если нам сильно повезет, можно и олады...

— Эйстальд, ты слишком ответственен даже по моим меркам. Это радует и раздражает. Мне, конечно, спокойней, если не на одного меня ложится бремя всего мира. Вот только не нужно им хвастаться и таскать на плечах, будто шикарное манти! Поди лучше сюда, у меня есть то, что тебе точно поможет...

При этих словах Гелвин извлек свой неизменный бурдюк, раздутый от переполняющей его значимости. Только теперь Эйстальд понял, как давно пересохло у него в горле, и ощутил приятное тепло где-то в груди, у самого сердца. Запасливость старика могла стать притчей на все времена или же заезженной шуткой, но непременно с хорошим концом.

— Ты не переживай, — заверил его бальтор, глядя, как он скупно глотает из горлышка. — Я и твою наполнить успел, пока ты наверху нежно в кроватке посапывал! Вино — это хорошее, хоть и молодое... — скиталец поперхнулся, но ни пролил ни капли. Недоверчиво уставился на бальтора.

— Гелвин, ты опять все наши фляги пойлом наполнил!

— Что значит опять! — возмутился старик. — Чем же мне их, по-твоему, водой наполнять? Вода — это верное дело, когда кругом не сыщешь ни капли, а помирать неохота. Да ладно тебе дуться, есть у нас и вода! — выудил он из котомки довольно скромную флягу. — Не переживай, поутру на пару глоточков нам хватит!

— Хотел бы я высказать, — вздохнул Эйстальд, возвращая бурдюк. — Вот только вино и впрямь замечательное...

— Вот-вот, и нечего здесь кривиться, будто с рождения в завязке! Воду мы под каждым камнем отыщем, горы вон, совсем рядом, а там и до Селлтирианд рукой подать!

— Люблю я эти края, — скиталец перевел взгляд на горизонт, — Люблю возвращаться домой...

Ветер доносил запах моря, оно все еще было не так далеко, но с каждым шагом отставало от них все сильнее. Друзья решили уходить от побережья, направляясь к северо-востоку. Путь выбрали между отрогами, за относительно спокойные тракты некогда в этих местах. Хотя в спокойствие теперь никто и не верил. Икларентид лежал где-то по правую руку, и его уже закрыли хребты, растущие прямо на глазах, и все же не столь быстро, чтобы полностью укрыть собой море. Скиталец скучал по нему.

Почти у самого горизонта виднелись западные горы, которые протянулись к ленте реки у подножия Серого Убежища. Селлерион был знаком скитальцу с раннего детства. Его воды, быстрые и глубокие, были такими же родными, как и старый лес у подножия крепости. Ему хотелось еще раз нырнуть в темные глубины своенравной реки, проплыть как можно дальше, быть может, до противоположного берега. Совладать с бурным течением, доказать свою силу, как он не раз это проделывал в юности.

Скиталец улыбнулся своим воспоминаниям, простым и в то же время живительным, того далекого и невозвратного времени. Ему казалось, он почти разучился принимать ту простоту, как-то незаметно повзрослев и увязнув в обилии серого. Его далекие предки основали великий орден, горделиво почитая себя наследниками лунного серебра, его истинным блеском. Как же случилось, что они растеряли всю ту уверенность, обесцветились и облачились в серое? Может быть, не смогли более верить чистым стремлениям юности, или зрелый цинизм умело сокрыл

желание власти? Хотелось вернуться к реке и попробовать отыскать того мальчика. Хотелось вновь разглядеть не одно только серое.

— Ты еще помнишь ту корчму, где так аппетитно уплетал мои куриные рулеты?

— Ты о той очаровательной дыре, как называл ее... «Троль и поэзия»? — бальтор поскреб бороду с таким рвением, будто искал в ней мышей. — Помню, помню. Надеюсь, она еще стоит, и крыша не прохудилась.

— Хорошее было время, — пробормотал скиталец, которого все еще не отпускал приступ нахлынувшей ностальгии.

— Ага, и рулеты были выше всяких похвал! И ты был тогда совсем зеленым, а сейчас, погляди на себя — да ежели эти лохмотья сорвать нахрен, то в лунном серебре ты, пожалуй, за принца древнего мира сойдешь. Какой стал... Свет полной луны прямо сочится из тебя, как мед из улья! Тут любому Коронованному дрожать впору будет...

— Гелвин, брось ты свои издевки! — скиталец поморщился, скрывая улыбку, но почувствовал, что похвала ему была приятна.

— А я чего? Сам видел, как ты Коронованных трепал.

— Потому и сам прекрасно знаешь, что мы были бы уже давно мертвы, если бы наши шкуры не спас чертов элнарит!

— Да, эта старая калоша Глендринт, дрался с размахом. Столько лет прошло, а он все еще может. Вот бы мне таким быть в его годы!

Скиталец, казалось, не заметил насмешки в словах друга, или он просто еще был не в силах так же легко шутить обо всем этом.

— Не стоит, Гелвин... Я и сейчас вижу тот день, вижу двор и ворота Убежища. Вижу, во что он тогда превратил мой дом... Ведь он убивал моих братьев без оглядки. Как мясник. Думаешь, это легко простить, даже после всего случившегося?

— Думаю, ты с удовольствием разрубил бы его от макушки до жопы, — Гелвин серьезно кивнул другу, понимая, что ему нужна эта поддержка. — Но все это не меняет тот факт, что он встал на нашу сторону. Хочешь не хочешь, а мы должны это принять.

Эйстальд скрипнул зубами и некоторое время молчал, разглядывая далекие снежные вершины. Может быть, там еще живут драконы?

— Ну и чудесно, если он убивает Коронованных, пусть этим и занимается. Пусть хоть на луну запрыгнет, Изначальный его раздери! Но если он хоть одним, всего одним косым взглядом посмотрит на тех, кто мне дорог, или же... — Эйстальд замолчал, играя желваками на скулах. — Тогда этот элнарит пожалеет, что вылез из своей портовой дыры!

— Вот и правильно! — подхватил бальтор. — Ученик давно превзошел учителя! Нечего страшиться воспоминаний прошлого. А ежели сомневаешься, знай, моя секира всегда к твоим услугам, и с радостью возьмется подправить одно смазливое личико.

— Спасибо, старина... Я рад, что на этом пути ты со мной рядом.

— Ну еще бы! Если бы я хоть на миг переложил весь этот груз только на твои плечи, тебя бы сразу распластало в лепешку!

Ничего не ответив, скиталец довольно сощурился и незаметно взглянул на друга. Он был благодарен миру хотя бы за то, что в нем могла существовать такая дружба. Он не был уверен, что заслужил ее, но это был весомый повод, чтобы не спешить отдать мир в руки Изначального, напрямую в пламя новых ударов.

— Если будем шагать такими темпами, стены Убежища увидим ко второму закату.

— Без привалов и отдыха идти не стоит. Все-таки силы нам еще могут понадобиться. Эх, хорошо бы разжиться лошадьми...

Тихонько насвистывая рядом, Гелвин вновь полез в котомку, осторожно нащупав пробку бурдюка. Заметив, что скиталец не скрывает улыбки, он шумно вздохнул:

— Ну ладно, ладно! Потерплю до привала. Придется идти с пересохшим горлом, словно сена нажрался!

— Я только хотел сказать, что и сам не против глотнуть...

Бальтор сразу оживился, и через мгновение бурдюк щедро плескал вино в его пересохшее горло.

— Вот это родник у нас с собой! Освежает лучше всяких колодезей! Только никак не насытится, — поспешно протянул он бурдюк скитальцу. — Что до лошадей: ты, как я погляжу, обленился подле юбчонки, и потом, где их взять-то?

— Никогда не видел Айли в юбке, старый ты пьянчуга. Лошадей, допустим, можно и отыскать, возле первой встречной корчмы. Главное, денег бы хватило, — возразил скиталец.

— Возраст нужно уважать, — назидательно ответил Гелвин. — Только с возрастом пони-
маешь то, чего молодым невдомек. Вот когда попадется корчма, хотя бы с дверью на месте, да окнами целыми, тогда и за лошадей спрашивать будем. Сколько мы уже прошли, а кругом почитай ни души, одна разруха.

Скиталец довольно долго молчал, чтобы нехотя признать:

— Да, не таким я оставлял свой родной край. Места эти всегда были дикими, но чтобы вот так: несколько дней кряду и никого на встречу... даже скитальцев.

— Халупы пустые, корчма, как после пожара, — принялся старательно перечислять Гелвин. — Выходит, что ничего хорошего за время пути от Икларентида мы не увидели, на лицо все признаки бедствия, войны или какой-другой напасти. Может туман и сюда добрался?

— Непохоже. Все это больше смахивает на бегство, причем поспешное. Побросали что было и драпали без оглядки.

— Еще недавно скитальцы в этих краях частенько мелькали, уж корчму бы они наверняка отстояли. Ведь где еще им у огня-то погреться?

— Может не успели, может не знали, может... — Эйстальд прервался, судорожно сглотнув ком в горле. — Нас ведь мало, сам знаешь, слишком мало. Если крепость осадили...

— Ладно, ладно, — бальтор взмахнул рукой. — Ты давай, не нагнетай раньше времени. Чтобы Убежище осадить, нужно еще знать где оно находится. Среди сплошных скал отыскать единственную тропу, весьма непросто.

— И все же возможно...

— Значит совсем скоро мы это и выясним. А пока не мешало бы о ночлеге задуматься. Можно, не мудрствуя, как и вчера, у ближайшего дерева костерок развести, вот только... — Мысль старый бальтор не закончил, но его молчание было не менее красноречивым.

— Только не хочется, — помог другу Эйстальд. — Холодать нынче стало, и с каждым днем все сильнее. Мне и самому кости ломит от ночевки на стылой земле.

— Если по дороге никуда не сворачивать, наткнемся на корчму неказистую, как раз в паре часов ходьбы будет...

— Наверняка опустевшая и холодная, — закончил за бальтора скиталец.

— Да ведь мы и согреть можем, руки еще на месте!

— Гелвин, ты как будто забыл, чем заканчиваются наши ночевки в заброшенных хижинах?

— Ты чего уперся? Ничего я не забыл. Вот только зад морозить мне охота еще меньше. Посидим под крышей, согреемся, а ежели напасть какая, так она нас и в полях отыщет.

Скиталец вынужден был принять резонность замечания. Ему не нравились заброшенные халупы, где теснота пространства не давала возможности для маневра, зато поддерживать огонь под крышей было гораздо легче — хорошее подспорье для слишком темных ночей. И разумеется, в них было куда теплее, чем на стылом ветру вдоль обочины.

— Значит, поглядывай хворост под ногами, когда доберемся, уже будет темень, и времени на поиск дров не останется.

— Не переживай, если корчма все же пустует, в ней поди остался солидный запас дров на зиму. Никто бы в спешке не стал тянуть вязанки дров за собой.

Скептически хмыкнув, скиталец представил себе телегу, которую корчмарь нагрузил всем, чем можно, оставив в покинутой харчевне разве что крошечный огарок. В голове всплыла и другая картина, где дрова остались на своих местах, вместе с самим корчмарем, растерзанным под прилавком. Обе мысли не слишком обнадеживали, а последняя, пожалуй, настраивала на мрачный лад. Он отмахнулся от этих мыслей, как от назойливых мух, хотя реальность могла оказаться куда более удручающей.

— У огня в камине и брага плещется, как янтарь... с переливами! — старый бальтор мечтательно причмокнул. — Еще бы жратвы, чутка краще редиски. Эх, и пир бы мы закатали!

— Мне казалось, что у нас в бурдюках одно только вино молодое?

— Оно самое, в бурдюках-то. А во фляги я брагу набрал. Забористой и достойной!

Эйстальд схватился за голову в притворном негодовании:

— Ярость Изначального! Гелвин, ты хоть что-то еще взял, помимо пойла!? Воды бы побольше, к примеру!

— Эх, молодость... — бальтор демонстративно повозился в своей бездонной котомке и извлек на свет нечто, напоминающее склянку для духов. В ней плескалась прозрачная жидкость и, если это была вода, ее могло хватить лишь на пару куцых глотков.

Заметив выражение на лице друга, Гелвин расхохотался:

— Ты бы видел свою рожу, будто пряник в лужу упустил! Конечно, я запасаюсь водой вдоволь. У тебя вот в котомке еще одна бутылочка есть, даже поболее этой. Да и к чему нам столько воды...

— Мы что, окуни воду глушить? — улыбаясь, закончил за друга скиталец.

Солнце стремительно клонилось к горизонту, не дожидаясь, пока друзья прекратят свою веселую перебранку и ускорят шаг. Может, оно желало поскорее укрыться за горы и освободить путь для восходящей луны. Когда замерцали первые звезды, путники, наконец, увидели светлое пятнышко у края дороги — той самой корчмы, где им и предстояло провести ночь.

Надеждам о теплом вечере у камина видимо не суждено было сбыться, ведь одинокая постройка встречала их в тишине, приветствуя их молчанием, которое будто сочилось из окон и приоткрытой двери. Не шибко уютное зрелище, но, друзьям, не приходилось перебирать — холод крепчал, и ветер подталкивал их в спины прямоком к дверному проему.

Первым, тихо как кошка, в безмолвную корчму проник бальтор, чтобы окончательно разведать, насколько она, казалось, опустевшая. Его спину прикрывал Эйстальд, то и дело поглядывающий на входную дверь, в которую вполне могли вломиться разного рода неприятности. Все было тихо. Корчма, погруженная в сон, казалось, и не заметила появления друзей.

Обследовав каждый уголок небольшой хижины, друзья, к своему сожалению, не обнаружили заготовленных на зиму припасов, если не считать таковыми пару сморщенных картофелин и кусок заплесневелого сыра. Зато отыскались дрова вязанкой, лежавшие у печи, забытые в спешке или же оставленные с умыслом для таких вот бродяг, как они.

— Все бегут прочь с севера, а мы, по обычаю, поступаем наоборот! — Гелвин споро накидал мелких щепок, и печь лизнули первые языки пламени.

Скиталец закрыл дверь на щеколду и прикрыл ставни, чтобы отсвет огня не слишком бросался из окон. Ни возводить баррикады, ни заколачивать ставни он не собирался. Здесь, в этих краях, так близко от родных стен, он чувствовал себя дома. Не в безопасности, без иллюзий и уверенности в дальнейшем. Лишь глубокое чувство удовлетворения, которое, как течение реки, наконец вынесло его к искомому берегу.

— Бежать некуда больше, мгла наползает с Болот. Север, в лучшем случае, ожидает полнейшее запустение. А если судить по тому, что мы пережили в Икларентиде — безопасных мест больше не сыщется. Туман может накрыть всюду.

— Это мы с тобой знаем. И еще те немногие, которым посчастливилось пережить страшные метаморфозы целого города. Остальные бегут без оглядки к большим городам, за высокие стены, где в окружении таких же испуганных становится не так тоскливо от неизвестности. А такие вот одинокие лачуги и небольшие селения в глуши, да на окраинах трактов — обречены. Потому и бегут, нутром чувствуют, что тьма им дышит в затылок...

Бальтор вздохнул и оглядел унылое помещение. Огню из печи не хватало сил, чтобы как следует осветить корчму и вернуть ей прежний уют.

— Непростые времена настали, скиталец. Да и когда они были простыми? Думаешь, Серое Убежище еще стоит, или нас ждут только камни и ветер?

— Стоит, — убежденно кивнул скиталец, выкладывая из своего мешка скудный ужин. — Его стены крепки и выдержат многое, пока остается хотя бы горстка защитников.

— Нам ведь не осаду переждать, — бальтор отряхнул пару картофелин и бросил их на решетку печи. Возиться с похлебкой он не планировал. — Нам помощь нужна. Воинство, которое смогло бы... Эх, да что я в самом-то деле? Хорошо, если десяток скитальцев отыщется!

— Это меня тоже тревожит, — признался Эйстальд. — Мы так близко к Убежищу, а все еще никаких признаков дозора или разведчиков. Нас уже должны были встретить...

— Ты когда уходил, не слишком ли громко хлопнул дверью? Может быть, нам просто не рады?

— Гелвин, Хранители, пусть и не всегда согласны с моим мнением или поступками, но все же не лопаются от обиды. Старый Гранбурн ворчун, но не истеричка. Для мелочных склок они слишком многое повидали. Нет, здесь что-то другое.

— Ты когда отправился в путь, еще до начала осени? И вестей от тебя совсем ничего с той поры было. А потом Великий Клык пробудился и понеслось... Тебя все нет, а дерьмо вычерпывать нужно. Готов побиться об заклад, что все, кто смог, к Болотам отправились. А те, кто остались: старики, да может пара совсем сопливых, из крепости носа не высунут, добро стерегут.

— Звучит разумно. Вполне может быть, что мы мало кого застанем, — согласился Эйстальд.

Развернув свой плащ, он уже потихоньку примерялся ко сну. Бальтор видя, как устало выглядит друг, не донимал его лишними разговорами. Приложившись пару раз к бурдюку и скромно поужинав, они устроились на ночь с тем удобством, которое только было возможно в покинутой корчме. Насытив огонь оставшимися дровами, друзья закутались в свои плащи, радуясь, что хотя бы колючий ветер не пробирает их до костей.

Бальтор все же, перед тем как улечься, соорудил некое подобие преграды у двери из стоявших неподалеку лавок и столов. Особо не усердствуя, он и не надеялся этим завалом остановить кого-либо; он только рассчитывал, что грохот падения успеет их вовремя разбудить. Сидеть на страже и караулить всю ночь у него попросту не было сил и желания. Если скиталец отнесся к этой ночевке столь легко и беспечно, то почему было и не доверять его интуиции? Они ведь и в самом деле были так близки к дому.

Ночь шла своим чередом, рука об руку со стужей, подгоняемая порывами ветра. Сон уставших путников не беспокоило ничего, и ночные тени обходили их временное пристанище стороной. Изредка, где-то у кромки леса, тоскливо подвывал дикий зверь, или же это был одинокий гурлук, который не мог отыскать свою стаю.

Луна с холодным безразличием освещала окрестности со своей недостижимой высоты. Под ее бледным светом, проникающим сквозь щели в прохудившейся крыше и покосившихся ставнях, скитальцу спалось особенно хорошо. Вот только сны у него были сумбурные и неясные. Единственное, что смутно припомнилось ему поутру, так это грозный силуэт Великого Клыка. Старая крепость вновь рвалась в его сновидения, и это вселяло смутную тревогу.

Утренние сборы не затянулись. Обошлись без раздувания огня и долгого завтрака. Рассвет застал друзей на ногах, и первые зарницы протянулись от горизонта, когда они уже всюду вышагивали по обледеневшим камням старой дороги. Густые Серые Леса были все еще впереди, а западные отроги, скрывающие Ярые Земли, опускались по левую руку. Где-то у самой реки ждал перевал — расщепленный надвое стремительным потоком и не слишком гостеприимный, если не знать верных троп. Эйстальд их знал.

А на другом берегу среди нагромождения острых скал, притаился скрытый проход. При тщательном поиске его мог обнаружить любой, но желающих плутать в тех краях было немного, а тщательные поиски нередко разбивались о камни на дне ущелья, или уносились бурным потоком. Но только лишь зоркий взгляд мог разглядеть вершины Селлтирианда издали, при ясной погоде и определенных углах зрения, и отличить его башню от окружающих скал.

Друзья много раз возвращались к разговору о Таркеле. Каждый шаг наполнял их предвкушением близкого дома, и все сильнее уменьшал надежду повстречать писаря в этих окрестностях. Никто из них не верил, что они больше не увидят своего чудаковатого друга, но эта мысль, хоть и не озвучиваемая вслух, витала в воздухе рядом с ними, омрачая дальнейшие мысли. По пути им не повстречался ни один Искаженный, среди камней не мелькали быстрые тени, и над головой не возникали порталы. Это было столь непривычно, что бальтор даже подумывал, не приснилась ли ему вся эта дорога. Эйстальд пребывал в неизменном спокойствии, почти позабытом за прошедшее время. Он знал, что они вошли под сень Серого Убежища и твердо верил в его незримую защиту. Истинное серебро никогда не тускнело полностью.

После полудня был сделан привал под живописной сосной. Огонь разожгли скромный, больше для того, чтобы отогреть продрогшие руки; жарить на нем все равно было нечего. К ночи скиталец рассчитывал попасть в крепость, и они оба надеялись на куда более сытный ужин, чем ломтик солонины и парочка мерзлых яблок. Отдохнув и выкурив трубки, замечали следы своей стоянки — дым от костра вполне мог привлечь ненужное внимание, и им не хотелось оставлять за собой даже прогоревшие угли.

Еще несколько часов пути по изломанным камням перевала, и друзья уже отчетливо различали шум бегущей воды. Встречные деревья были редки и суровы в своей решимости прорасти среди камня, но свежесть близкой реки придавала им силу, быть может, напоминая о родичах на том берегу, сплотившихся в обширный и непроглядный лес.

Эйстальд надеялся отыскать лодку в одном из знакомых ему схронов, скрытую среди зарослей от случайного взгляда. Когда же воды Селлериона открылись перед ними, вздымающуюся в неустанным волнении, скиталец на время забылся, настолько его захватил краевид родных берегов. Вдыхая шумно и глубоко, бальтор шурился от удовольствия с таким видом, будто собирался немедленно и с разбегу нырнуть в ледяную воду. Взглянув на друга, Эйстальд поторопился напомнить, что им следовало отыскать лодку. Купание в ледяной воде он решил отложить до лучших времен.

Вдоволь надышавшись, они неспешно побрели в ту сторону, где по мнению скитальца дожидалась их лодка. По заведенному обычаю ее прятали среди зарослей, и порой даже стерегли самые юные из скитальцев — одно из множества рутинных обязанностей, которое, само собой, ни у кого не вызывало восторга. Потому он и не особо рассчитывал, застать хоть кого-то в укромном тайнике за камнями. По правде сказать, он не слишком рассчитывал застать там и лодку. Каково же было его удивление, когда, продираясь сквозь облезлые заросли кустарника по незаметной тропинке, он вышел напрямик на знакомую и выдавшие виды лоханку, вдобавок окруженную личностями довольно сомнительного содержания.

— Во те на, ты гляди, Буба! А сидел, причитал, что никто не явится, что затея наша дерьмо, что толку с нее, говна воротник!

Один из них, при появлении скитальца, подскочил и радостно хлопнул себя по колену. Не выглядевший опрятно и с подобающим запахом, он явно входил в число тех бродяг и авантюристов, что нередко встречаются на большаке.

— Ну и че, пушай и явились? — откликнулся тот, которого именовали Бубой. — Нахрена мы здесь торчали, Стрыка, ты не забыл? Ты чего нам наплел, что за лодочкой купцы нарисуются, да сундуки свои на тот берег попрут, в сокровищницу сокрытую! А эти, кто, шваль с виду какая, почище нашего будет!

С поросшего мхом валуна нехотя, с видом ленивой надменности, поднялся третий. Одетый в грязное рванье, но в неполных латах и кольчуге. Заняв картинную позу у лодки, он оперся о нее ногой:

— Погодите, мужики, шваль — не шваль, а мечом-то опоясан! Может и не купец, но клиночек сразу видно, хороший. Мешок монет за него, стало быть, поимеем. Зимушку протянуть поди хватит!

Окинув оценивающим взглядом всех троих, Эйстальд быстро оправился от неожиданного удивления. Сделав шаг в сторону, он дал дорогу бальтору, который нетерпеливо пыхтел за спиной с проснувшимся любопытством.

— Верно, мы не купцы и ничем не торгуем, — пожал плечами скиталец. — Да и в кустах ярмарки никто не устраивает.

— Ты гляди, какой остролов! Слышь, жердь, мы тебе че, на хозяйшек с крынками сильно похожи? Нам такой товар и нахрен не сдался, ты лучше кошель доставай. Да смотри, чтоб о ножичек свой впопыхах не пораниться!

Все трое громко заржали над столь хлесткими словечками. Вот только страх, скрывавшийся за показной наглостью, по меньшей мере у Стрыка, пер наружу, как пена у пива.

— Это чего за балаган? — с интересом спросил Гелвин, не обращая ни к кому конкретно. Невозмутимо он ткнул пальцем на верхушку дерева: — Откуда здесь эти птенчики взялись, неужто из гнезда выпали?

Все трое как зачарованные задрали головы вверх, и не отыскав там ни гнезда, ни птенцов, вконец обозлились:

— Ты, сука дед, не шелуди, а не то мы не только кошель обрежем, а еще и уши, на которых твоя борода повисла!

— Слушай, да откуда им взяться-то? — по-прежнему не обращая внимания на этих троих, повернулся бальтор к скитальцу. — Места эти дикие, до большака далековато придется...

— Сам не пойму, как они сюда заплутали! От ближайшей корчмы день пути и то, если знать нужные тропы. Еще и про купцов что-то буровят, похоже и впрямь промышляют разбоем...

— Не нужно тут рожами крутить, будто нас здесь нету! — взвизгнул тот, который в кольчуге не по размеру, и притопнул ногой с такой силой, что Эйстальд всерьез встревожился за старую лодку. — Мы тут вам не мелочь трактирная! Сведения у нас точные, что здесь, — топнул он ногой еще раз, — тайный путь к скарбу проходит! Купцы отседова, прямиком через реку, мешками серебро в свои заглазники тянут!

— Чего только не выдумывают! — вздохнул Эйстальд. — Нейдется очередным пронырам куш свой урвать.

— Так эти вон, какие настырные, далеченько забрались! А по рожам ихним сразу понятно — по-хорошему лодку не отдадут.

Эйстальд задумчиво изучал эти рожи: красные от напускного гнева, приправленные доброй порцией страха. Что-то было не так в их словах, занозой цеплялось в памяти.

— Сведения значит... Кто-то вам эти сведения выдал, раз вы здесь очутились.

Стрыка подбоченился и с хрюканьем, собрав содержимое носоглотики, смачно сплюнул. Плевков не улетел далеко и, повиснув на длинной нити слюны, размазался ему по штанине. От столь явной неудачи, в демонстрации собственной дерзости, холуй побагровел как свекла. Его близко посаженные глазки с ненавистью буравили скитальца.

— Ты чего нахрен тут себе возомнил, сведений, видите ли, он хочет?! Да мы тебе ща башку, к сведению, проломим!

— Спокойно, Стрыка! — поднял руку третий в латной перчатке, явно не намеренный убирать свою ногу с потрескивающей лодки. — Мы за просто так башки не проламываем. Сначала просим повежливей, а ежели не хотят, вот тогда-то и беремся за дело!

Решив придать себе еще большей значимости, рассудительный оратор полез на лодку обеими ногами. Само собой, ничего хорошего из того не вышло. Поскользнувшись, он свалился на Бубу, и тот едва поймал растяпу у самой земли. Еще какое-то время длилась бестолковая возня, прежде чем эти двое сумели вернуть себя в вертикальное положение и, отряхнувшись, с вызовом уставились на друзей.

— Я погляжу вам и без нас здесь не скучно! — хмыкнул бальтор. — Вот как поступим: лодка останется здесь, она все равно не ваша, а вы трое прихватите свои тощие задницы и быстренько испаритесь, пока мы еще улыбаемся.

Стрыка сделал угрожающий шаг вперед, но бальтор даже не шелохнулся, с насмешливым прищуром разглядывая высокую фигуру.

— Кто вам дал эти сведения? — еще раз повторил скиталец тихо, но таким нехорошим голосом, что задрожали даже окружающие заросли.

— Тебе дело какое, прощелыга? — решил не идти на попятную Стрыка. Сделав еще один шаг вперед, он вдруг осознал, что слишком уж отдалился от своих, и теперь мелко подрагивал от страха. — Повстречался нам один хмырь в корчме по дороге. Налакался как студень, все подчистую и выложил...

— Стрыка, ты чего варезку раззявил! — поморщился который в кольчуге. — Нахрена эти вдруг откровения? Мы обчистить их собираемся или же в долю взять?

— Так, а я ничего, просто жаль стало мне приبلуд энтих. Подумалось, коли уж так выпрашивают, можно и сказать, не обломится!

— Обломится. Нехер им знать, кто и че нам рассказывает. Или ты уже запомнил, на кой хрен мы в кусты вдруг забрались?

— Какой хмырь? — скиталец по-прежнему был непреклонен. Недобро прищурив глаза, он чувствовал во всем этом какой-то подвох.

Поравнявшись со своим приятелем, Буба потер щетину и выдохнув кислым перегаром, сказал:

— Такой же оборванец, как и ты, прям один в один, будто братья. Нажрался за наш счет и давай байки травить: о величии, о каком-то там Селддрапанде, который в горах, серебре якобы лунном... За серебро, ясное дело, мы все как следует разузнали: где искать и как добратся. А потом как следует мордочку ему подрумянили, чтобы пургу не гнал и водяру жрать научился!

— Че ты, сука...! — совсем отчаявшись, замахал руками кольчужный, но скиталец оборвал его грубым жестом.

— Такой значит, как я, один в один бродяга? А звать его как, бродягу того, не спросили?

— А как же! — шмыгнул носом Буба и положил руку на плечо кольчужного. — Ты погодь, дергаться, Габор, вишь, им языками молоть охота. Сам же распинался: мол, мы не зверье, если просят, так ответим... Спросили мы его, а он отвечал: то ли Рейк, то ли Рук, это вот я запомнил...

— Послушай, Эйстальд, это они не о нашем Рейге говорят, весельчаке? — бальтор поднял голову и охнул. Выражение на лице друга взволновало его не на шутку.

— Точняк, — радостно хлопнул в ладоши Буба. — Так того хмыря и звали! Языком еле ворочал и что-то там про серых братьев плел, пока мы ему харю не расквасили...

Договорить он уже не успел. Кулак скитальца метнулся из-под накидки со скоростью камня, выпущенного из пращи. Он ударил так внезапно, что никто из этой троицы ничего толком не понял. Бубу крутануло через плечо и отшвырнуло в сторону. Можно было не сомневаться, что сам он уже не поднимется. Без дальнейших предисловий из зарослей вылетел топор и, просвистев у самого уха Стрыки, наверняка вошел бы в грудь Эйстальда, если бы не отменная реакция последнего. Он успел выхватить меч и отразить железяку в полете. Позади друзей затрещали ветви, и что-то шумно сопя выскочило за их спинами.

— Ни хрена себе! — только и успел воскликнуть бальтор, как это нечто смяло его в охапку и со всей дури приложило о землю, да так, что в воздух взметнулись клочья пыли.

Развернувшись широкой дугой, Эйстальд полоснул клинком, не задев почти никого. Никого, кроме Стрыка. Рана была не смертельной, но тот завопил во всю глотку и, прижимая руки к груди, ринулся куда-то, не глядя. Вся эта суматоха помогла скитальцу успеть разглядеть подарок из зарослей. Им оказался бугай, здоровый как полутроль, с явной примесью крови зверодрагуров. Его рожа, разве что в темноте, смогла отдаленно сойти за человеческую, да и то лишь с приличного расстояния. На большее созерцание времени не хватило. Из тех же зарослей прожужжала стрела и звонко щелкнула Эйстальда в спину. Скитальца повело, и он едва устоял на ногах. Как вспышка промелькнула мысль, что, если бы не селлестил под плащом, выстрел, наверное, оказался бы для него смертельным. После столь яркого озарения в нем закипела ярость.

— Да ведь это бляха засада! — с восторгом захрипел бальтор, когда перестал отплевываться от пыли. Он нелепо дергал ногами, пытаясь освободиться от веса огромной руки, впрочем, без особого успеха. Когда наконец старик изловчился, сумел повернуть голову и взглянуть на обладателя этой лапищи, его глаз широко раскрылся от изумления.

— Ты это, не дури, голубчик, лучше бы тебе меня не злить! — слова были обращены непосредственно бугаю, который, пропустив их мимо ушей, с невозмутимым спокойствием примерялся жуткой палицей к взлохмаченной голове старика. Это непростое занятие отнимало почти все внимание бугая, который не мог решить, как же получше вмазать дубиной, чтобы раздавить изворотливого клопа, и не раздробить собственную руку. Столь глубокий мыслительный процесс требовал времени, и только это спасало бальтора от неминуемой гибели.

Видя, что уговорами к этому мыслителю не достучаться, бальтор заерзал по земле, прикладывая все свои силы, тем самым вызвав хмурое недовольство на роже полутролля. Булава взметнулась, готовая ринуться вниз. Похоже, решение было найдено.

— Чего ты там возишься, хер китовый! — завопил Стрыка, укрывшись за лодкой и осознав, что пока не умирает. — Нам помощь нужна, не видишь, что ли — убивают!

Бугай удивленно обернулся, отрешенно взирая на происходящее. Он не совсем понимал, чего от него требуют и почему вдруг отрывают от столь важного дела. Воспользовавшись заминкой, Гелвин, будто огромная гусеница, принялся ползти между пальцами. Скиталец видел незавидное положение друга и старался пробиться в его сторону. А еще он видел, насколько обманчивым бывает первое впечатление. Несмотря на свой нелепый вид и тягу к театральным жестам, Гобур оказался умелым бойцом. Его было не застать врасплох, как Стрыка, и не вырубить кулаком, как Бубу. Ухватившись за свой клинок почти так же быстро, как и скиталец, он, конечно, не мог похвастаться тем совершенством, что и Серебряный Шторм, и все же орудовал своим палахом он весьма ловко.

Все выпады Эйстальда были отражены, и теперь Габор понемногу теснил скитальца. Приходилось непросто. Эйстальд вынужден был все время поглядывать на треклятые заросли, ведь там все еще скрывался таинственный стрелок. Не хотелось подставлять ему спину. Стрелу, пущенную в затылок, не остановил бы никакой селлестил. Пора было заканчивать всю эту

возню. Скиталец не хотел никого убивать, ему лишь нужны были ответы на оставшиеся вопросы.

Внезапно ускорившийся далеко за возможности своего противника, Эйстальд поднырнул под его выпад и, ударив набалдашником своей рукояти, выбил клинок у того из рук. Ловким полуоборотом ушел в сторону от удара стальной перчатки, пнул Гобура под коленку и, заломив ему руку, встал за спиной, опустив Серебряный Шторм на шею побежденному.

— Хватит! Эй, ты, здоровяк, слезай с моего друга, а не то я пушу кровь вашему приятелю, фонтаном, прямо из шеи! И если засвистит еще хоть одна стрела, он успеет умереть первым.

Бугай, все еще восседающий на Гелвине, что-то промышал. На его роже легко было прочесть недоумение и даже обиду. Палица в его руке неуверенно застыла в воздухе, и бальтор, пользуясь затишьем, тихонько шуршал по земле, почти выбравшись из-под тяжелой ручищи.

— Ты там как, Гелвин, живой?

— А что мне будет? — отозвался старик, откатившись в сторону и проворно схватив секиру. — Ща, вот только хребет из штанов достану и полетят тут чьи-то лапища, как перелетные гуси!

Крепко прижатый в руках Эйстальда вояка на время лишился дара речи и только глотал воздух, будто свежесловленная рыба. Наверняка он не ожидал такого поворота событий. Наконец совладав с паникой, Гобур завопил:

— Сучье семя! Что вы колом встали, рты раззявив! А ты, Луга, стрелок херов, вылезай из кустов, пока мне из-за вас башку не отрезали!

Кустарник зашуршал, и на свет показался тот самый стрелок, со взглядом убийцы и до упора натянутой тетивой.

— Шеф, если хошь, я ему прямо в глаз залеплю!

Скиталец двигался плавно, подстраиваясь под шаги лучника и умело прикрываясь Гобуром: — Ты можешь попробовать, — спокойно ответил он, и меч у горла плененного угрожающе сверкнул острием.

— Да ты совсем одурел?! Опусть чертов лук, у меня уже из горла кровит!

Луга нехотя ослабил натяжение, и по его виду несложно было понять, что он с удовольствием бы рискнул чужим горлом.

— Эйстальд, шинковать этих чудиков на ветчину не слишком приятно, но уж если сильно горит! — бальтор поигрывал секирой, кровожадно обводя всех взглядом. Флегматичный бугай, взирающий на него, как на потерянную игрушку, выводил старика из себя. — Ты за меня не волнуйся, если нужно башку оторвать, не тани! С остальным я и сам совладаю. Работы тут много, но чем раньше возьмусь...

— Мы не будем никому ничего отрывать, — твердо сказал скиталец. — Мне нужны ответы, а не горы обезглавленных трупов, и сейчас, как мне кажется, для откровенности самое подходящее время.

— Ну а мы чего? — жалобно запричитал Стрыка, все еще не решаясь показаться на глаза. — Мы и сами за разговор были, да и кулаками махать не мы первыми начали!

— Закрой рот, трусливая псина! — Гобур хотел сплюнуть, но клинок у горла сильно мешал этому. — Ты, сучий сын, должен был помогать, а не за лодкой отлеживаться!

— Какой из меня боец? Я ведь только языком трепать и умею! Клеонар должен был всех булавой своей раскидать, а он чего?

Бугай, в полумраке не отличимый от зверодрагура, да и в плечах размером со скального тролля, удивленно повернулся на звук своего имени. Было похоже, что все вокруг приводило его в искреннее изумление.

— Залюбовался я, — голос у него оказался глубокий и бархатистый, а на роже обозначилось подобие легкого смущения. — Махонький такой, с бородой... Проворный как мышь! Жалко было взять и прихлопнуть вот так, он же вон какой оказался, забавный!

При звуках его голоса Эйстальд изумленно обернулся, не в силах совладать с любопытством. Но он по-прежнему не сводил взгляда с лучника.

— Епт! Да у нас тут пещерный поэт, не иначе! — Гелвин был потрясен не меньше скитальца, и его гнев понемногу утихал. — А чего бы и нет, ведь даже у троллей бывают поэты. Нам ли этого не знать, а, скиталец?

— Никакой я не тролль! — обиженно пробурчал бугай и покраснел: — У меня просто кость широкая!

— Похоже, маманя твоя к зверодрагурам частенько навевывалась, пока по грибочки ходила, — съехидничал Гелвин, который уже и не злился, но все еще не мог простить недавнее обращение.

Полузвериную рожу заволокла печаль, а в узких и широко расставленных глазах проступили слезы: — Не знал я ни родни своей, ни матери, подкидышем рос... Ох, сука! — вздохнул Гобур, которому прижатый клинок у самой шеи все еще доставлял заметные неудобства. — Что же ты мелешь, Клеонар? Ты, хрен собачий, палицей орудовать должен был, а не языком! Видишь же, сука, что не по плану все обернулось!

— Значит план все-таки был? Интересно... — скиталец расчетливо сокращал дистанцию к лучнику, но тот никак не хотел оставаться на месте.

Бальтор внимательно оглядел бугая, который пребывал в чувственной прострации воспоминаний о своем нелегком детстве, и не найдя в нем признаков явной агрессии, решительно направился к Луге. Заметив приближающегося старика, Луга занервничал и решил было вновь натянуть тетиву, но Гелвин в два прыжка сократил разделяющую их дистанцию. Выхватив лук, он отшвырнул его далеко в сторону, а затем отвесил лучнику такую оплеуху, что тот побежал следом за своим оружием.

— С этим мы, кажется, разобрались, — деловито заметил Гелвин. — Можешь расслабиться, скиталец...

— Рано пока расслабляться. Вдруг в кустах все еще кто-то сидит?

— А это мы сейчас и проверим, — ответил бальтор и ломанулся напрямик в заросли.

— Да нет там никого больше! — услышал он окрик за спиной. — Все здесь, никого в кустах не осталось!

— Обжегся раз, дуй во второй! — изрек старик из кустарников, не обнаружив в них ничего подозрительного.

— Значит, теперь мы сможем спокойно беседовать, — заключил скиталец и толкнул Гобура в сторону лодки. — Давай, располагайся, и, пожалуй, больше без глупостей!

Ватажек всей этой нелепой банды уселся на лодку, которая еще недавно служила ему пьедесталом, и принялся хмуро растирать шею. Мельком испуганно взглянул на свою руку, ожидая увидеть ее по локоть в крови. Но ладонь оказалась сухой, хоть и грязной, впрочем, как и его шея. Рядом примостился Луга, держась за свое ухо, которое торчало между пальцами, как раздавленный помидор. Стрыка все еще не решался отлипнуть от лодки, но на всякий случай придвинулся поближе к своим. Кровь у него на груди запеклась, и неглубокая царапина вполне могла служить поводом для будущей гордости.

Чуть поодаль от лодки грациозно застыл Клеонар. Оперев свое массивное тело на булаву, он меланхолично созерцал небосклон. Было похоже, будто все происходящее его совершенно не касалось. Один Буба оставался лежать там, куда его отправил крепкий кулак скитальца. Потому и участие в предстоящей беседе он принимать был не в состоянии. Глядя на бесчувственное тело, скиталец пожалел, что ударил слишком сильно. Но он не забыл, что вызвало в нем такой гнев, и собирался выведать у них все до мельчайших подробностей.

— Мы прервались на рассказе о Рейге и о том, что вы с ним сделали...

— Да ничего мы с ним не сделали, — буркнул Гобур, все еще потирая покрасневшую шею. — Монет только на него целую кучу извели. Хлещет как прорва!

— Ага, это точно про нашего Рейга! — радостно заулыбался бальтор. — Помнится, этот малый хвалился, что и меня перепить сможет!

— Не отвлекаемся! — прервал Эйстальд, подняв руку. — Значит, вы его избили до полусмерти, перед тем вытянув из него все, что хотели?

— Да такого попробуй избить! — завопил Стрыка. — Он, шутя Гобура на локтях уложил, да еще заявил, что и с Клеонаром одной левой справится!

Бугай, услышав свое имя, вздохнул и, переведя взгляд от перистых облаков на компанию перед ним, улыбнулся звериным оскалом: — Может и сдюжил бы. Я в нем силу учуял: сокрытую и немалую, прямо как в нем, — кивнул он головой в сторону скитальца.

— Только тайного оракула нам здесь не хватало! — сплюнул бальтор и покачал головой.

— А он и впрямь забавный, эдакая кроха с бородой! — взглянул на старика Клеонар с интересом и явным теплом.

— Ща, сука, получишь ты кроху! Ты смотри, какой взрослый здесь выискался. Чем больше шкаф, тем больше дров из него получится!

— Гелвин, не заводись! Мне кажется, наш новый приятель слегка блаженный. Нам нужно выяснить, что они сделали с Рейгом.

Бальтор вздохнул и, опершись на секиру, недовольно взглянул исподлобья.

— Да ни хрена от них не добиться! Похоже, вся компашка у них такая вот — недалекая. Окромя кулака, ни черта больше не понимают.

— Попрошу без оскорблений! — гордо вскинул голову краснолицый предводитель. — Все нам понятно стало еще с первого раза. Ошиблись мы маленько, не с теми связались. И дружка вашего мы не трогали. Только кошель его срезали, пока он дрых мордой в стол. Да ведь только потому, что выдул он за наш счет в два раза больше!

— Это же сколько выпить должен был наш малый, чтобы мордой в стол? — бальтор недоверчиво разглядывал возмущенного Гобура, явно не слишком поверив в услышанное.

— Да почти все запасы в корчме выдул, притом не слишком тревожась, хватило ли остальным, — уже более спокойно сказал Гобур. — Мы поначалу лишь одним кошельком и приценивались. Вот только пьянел ваш приятель все более и плел всякий вздор без остановки. Крепость мол в горах есть — великая и сокрытая, о братстве каком-то, о сундуках серебром доверху набитых. Да не простым серебром, а лунным! Вот искушение нас и взяло, мы отродясь разбоем не промышляли, но что само в руки плывет, то не отбрасывают! Я настороже был, пил только для виду и все больше расспрашивал, что да как? Клеонар за нас всех отдувался, в него-то и влезет почти как в бочонок. Тем паче, он дружку вашему сразу полюбился. Понемногу и вывели: где дорогу искать, и где лодка припрятана. Правда, хрен понять уже было, для чего нам та лодка далась и как с ней быть дальше...

Нажрался ваш Рейг просто вдрызг. Ясно одно стало, для начала лодку ту отыскать нужно. А затем уж засаду сострять и ждать, кто за нею объявится, или же самим плыть. Пока отыскали, на реку успели налюбоваться, и желание плыть, незнамо куда, у нас поубавилось. Вот и решили в кущах дожидаться, когда какие-то братья с полными сундуками в свою крепость сами не соберутся.

— Долго бы вам ждать пришлось, сундуков-то, — хмыкнул скиталец. — Здесь редко кто появляется, окромя Серых скитальцев, а у них не то что сундуков, в карманах зачастую и монеты не сыщешь.

— Какие еще такие Серые скитальцы?

— Такие парни вроде меня...

— Такие же с каменной шкурой? — зло уставился на скитальца Луга. — Которых и стрелы не берут.

— Они самые, — скиталец был сама невозмутимость. — Стрелы не берут и мечи о них ломаются. Такие вот удалыцы-умельцы.

— А ты, стало быть, один из них? — Гобур с сомнением глядел на скитальца, но в его глазах поблескивало плохо скрываемое любопытство. — Мечом-то ты прытко орудуешь.

— Мы называем себя Серыми скитальцами, и Рейг один из нас. Вам повезло, что вы его напоили до отключки; как правило, он любитель шумного застолья и последующей потасовки.

— Как же напоили... — хмыкнул Стрыка. — Он и не шибко-то возражал. Пил за троих, да только отрывал от удовольствия... А что взаправду горы серебра у вас там имеются, еще и какого-то лунного?

— Нет, не имеются, — отрезал Эйстальд. — А что у нас имеется, вас не касается. Скажите спасибо, что я не слишком злопамятный, и за попытку убийства не стану оплачивать тем же.

— Хотя руки-то чешутся, — вставил бальтор и выразительно взглянул на Клеонара.

Бугай поежился и, шумно вздохнув, отвернулся с обиженным видом:

— Зря я с вами связался, сидел бы сейчас в мастерской среди гвоздей да ботинок. Хоть какая-то польза была от меня...

— Да не убийцы мы никакие! — запротестовал Гобур, замахав руками. — Дальше кошелек и горсти монет мы и не думали заходить! Сам не пойму, как же все так обосралось...

— Может и не убийцы, — согласился Эйстальд, — вот только не все. По глазам вижу, что этот малый убивать умеет и любит.

— Да что ты там знаешь? — сплюнул Луга и скривился в презрительной гримасе. — Да ты обо мне ни черта не знаешь! Если бы не кольчуга под твоим плащом, лежал бы ты уже жопой кверху, стрелами утыканный, на манер ежа засратого!

— Знаю, что мне гораздо ближе до твоей шеи, чем тебе до своего лука, — холодно ответил скиталец. — Не вынуждай меня показывать это на деле.

Лучник сплюнул еще раз и отвел взгляд. Весь его вид излучал чистую, ничем незамутненную ненависть, но он прекрасно понимал, что скиталец был прав, и шансов в этой схватке у него было немного.

— Сложно представить, что за случай свел вместе убийцу, сапожника и бывшего мечника, и в другой раз я, несомненно, послушал бы этот рассказ, вот только сейчас у нас на это нет времени.

— Еще и стряпуна, — кивнул Гобур на неподвижного Бубу. — Превосходный ужин состряпать умеет из чего не придется. Вернее умел. Теперь и не сказать, очухается ли? Жаль, что ему так досталось.

— Ничего, очухается, — заверил скиталец. — Даже стряпать после этого сможет. А вам я советую всю эту дурь из головы выкинуть. Никаких сокровищ за рекой нет, и свои сундуки по ней купцы не сплавляют. Да и к лодке вам этой лучше не возвращаться, она принадлежит Серым скитальцам, а вы уже поняли, что с ними лучше не связываться.

— И на бальторов из кустов лучше не прыгать, — проворчал Гелвин. — А не то, в другой раз, можно и на секиру наткнуться!

— Последний вопрос, и мы больше вас не задерживаем. В какой корчме вы оставили Рейга?

— Тут неподалеку, — ответил Гобур, — не более дня пути будет. В «Осетровом брюхе», та, что на перепутье между Раздолом и...

— Мы знаем где это, — оборвал его скиталец, — искать все равно не пойдем. Нам в другую сторону. Но если ты все же солгал и с Рейгом вы обошлись скверно... Тогда я отыщу вас, где бы вы не скрывались...

— Даю слово, что мы пальцем не тронули твоего друга, — побледнел Гобур, под пронизывающим взглядом Эйстальда.

Хмыкнув презрительно и с вызовом, Луга отвел взгляд, но не сказал ничего, и скиталец понял, что запал у него весь вышел. Некоторое время они все сидели молча, а скиталец, тем временем, ухватил лодку и поволок ее к берегу. Бальтор, повесив секиру у пояса, взялся помо-

гать с другой стороны. Видя, что на них больше не обращают внимание, члены неудавшейся банды потихоньку принялись зализывать свои раны и синяки. Уже почти скрывшись в зарослях, Гелвин неожиданно обернулся:

— А ты, здоровяк, похоже не так глуп, как кажешься. Бросай-ка ты этих неудачников. Займись лучше тем делом, что тебе по душе, хоть бы и сапогами. Особо же того проныру остерегайся, — махнул старик рукой в сторону лучника. — Однажды он вас всех погубит.

Не дожидаясь ответа, бальтор навалился на лодку, подталкивая скитальца. Ответ прилетел немногим позже, стрелой просвистев около уха, и встрял в ближайшее дерево. Скиталец выругался и потянулся за клинком, Гелвин мягко остановил друга.

— Это все от бессилия. Чего ему еще остается, как не кулаками после драки махать?

— Такой кулак и навывлет пробить может, — проворчал Эйстальд. — Нужно было ему куда более тщательно зубы пересчитать.

— Да и хрен с ними! — махнул рукой бальтор, опустив корму у самой воды. Навалившись, они столкнули ее в течение. — Время сейчас такое, скиталец, что даже хорошие люди поступают не всегда хорошо.

— Клеонара ихнего и человеком назвать непросто...

— А кто его разберет, там всего понемногу намешано. Вот только человечности в нем поболее остальных будет.

— Как думаешь, о Рейге они правду сказали? Может стоит все же вернуться и попробовать отыскать его?

Гелвин вставил весло в уключину и протянул его скитальцу:

— Ты ему разве нянька? Как-то же до того без тебя он справлялся? Рейг молод, но далеко не беспомощен. Готов спорить, что он уже добрался к Убежищу раньше нас или же вот-вот там объявится.

— Что-то я не заметил его возле лодки, — скептически хмыкнул Эйстальд, может в зарослях прятался?

— Может и прятался, — бальтор был сама невозмутимость, — а может и нет. Разве в Селлтирианд можно попасть только на этой лодке?

— Ну вообще-то и на любой другой можно, — сконфузился скиталец. — Да и путей, если знать, куда больше, чем один.

— А наш Рейг их поди знает. Он ведь и сам Серый скиталец, пускай и не самый опытный. Так что давай хватайся за весла, а не то нас за этой светской беседой прямиком в море унесет!

— Ты значит командуешь, а мне веслами махать?

— Какой ты догадливый! — бальтор разлегся на носу свесив руку за борт. — Ты еще молодой, тебе еще рано командовать. И потом, лиричный бугай меня все же здорово приложил. Мне теперь только покой и хорошее питание полагается.

Эйстальд усмехнулся и кивнул в сторону котомки.

— Доставай свой бурдюк, в самом деле, пора бы нам подкрепиться!

Реку пересекли они быстро и без особых сложностей. Когда острые скалы и коварные ущелья наконец вывели друзей к цели, даже на отдых уже не оставалось сил. Не зная верной дороги, в этом лабиринте камня и сырости, было довольно просто свернуть не туда. Что наверняка происходило не раз с теми, кто осмеливался сунуться в эти края без необходимого опыта. В лучшем случае таких смельчаков ждали объятия Серого Леса, не слишком приятные, но куда более теплые, чем бездонные пропасти в горах. Древняя крепость была сокрыта среди камней, укрыв свои могучие корни одеялом лесов.

Скиталец устал за этот день будто был на ногах уже несколько суток. Но сердце его оставалось спокойным. Он знал здесь каждый камешек, и каждая капля воды звучала для него как родная. Он был дома. Гелвин утер пот и уселся на камень, задрав голову вверх, он разглядывал башню Галлара — высочайший пик Селлтирианда. С этого расстояния ее ни с чем невозможно

было спутать, кроме как с творением искуснейших рук. Она была прекрасна в едва брезжащем рассвете, покуда ее грациозный силуэт еще не вспыхнул серебром и жемчужными бликами. Скиталец тихо пристроился рядом, и они оба долго молчали. Усталость уходила куда-то в землю, тем глубже, чем выше разгоралась заря, окрашивая шпиль теплом и надеждой нового дня.

— Хороша, чертовка! — вздохнул бальтор. — Видимо не все элнариты только языком горазды были трепать, на манер одного нашего знакомого.

— Брось, Гелвин, ты ведь знаешь, что Галлар не был таким как Глендринт. Он был великим творцом и селлестил пел в его руках так, что это можно было услышать! Но жажда творчества не извратила его как Изначального.

— Знаю, знаю... Я теперь знаю, что толком ничего и не знаю. Да ты и сам, скиталец, знаешь не так уж и много. Только то, что записано в ваших свитках. Быть может, Галлар и не был первым из ордена, быть может все было совсем иначе? Ведь всего-то пару месяцев назад мы и знать не знали, что какой-то там цикл невозможно прервать, а Изначальный, оказывается, и не изначальный вовсе.

— Да... — протянул скиталец. — Все довольно сильно запуталось. Но глядя на эту башню я не верю, что все наше наследие — это ложь. Глядя на нее, я вижу мастерство и знания того, кто несоизмеримо величественнее меня самого. Мы обмельчали, мой старый друг. Глендринт, несомненно, силен и могуч, но его наследие не стремится к звездам, оно копошится в грязи портовых закоулков.

— Зато наследие Изначального махнуло так высоко, что даже башня Галлара, в сравнении, кажется чем-то незначительным. И меньше всего мне хочется думать, каким может стать твое...

— Я не предам то, во что верю, — убежденно ответил Эйстальд. — Этому миру не нужны новые Изначальные, ему нужны те, кто из обломков сумеет выстроить новый дом. И жить в нем в мире.

— Но это будем не мы, скиталец? Нам уже поздновато для домов с ватрушками и уютом.

— От нас никто и не требует ничего, мы сами выбираем свой путь. Если даже нам в нем и не место, мы попробуем отыскать его...

— Не слишком ли много пессимизма от того, кто всегда любил вольность полей куда больше стен города? — бальтор с грустной усмешкой глядел на друга, пока его руки шарили в котомке и скиталец догадывался для чего.

— Многовато, ты и сам это знаешь. Вспомни, как часто бродили мы никому не нужные и никем не замеченные. Куда подевались те времена?

— Канули, куда-то за горизонт... Да, забрались мы с тобой в такой переплет, что даже могучие стены Убежища надолго нас не укроют.

Скиталец молчал, глядя как бальтор с хмурым лицом мнет бурдюк в руках, в котором оставалось не так уж и много. Дождался, когда друг сделает полный глоток, и протянул руку.

— Я вас во все это втянул, я и постараюсь вытянуть. Никакой показной жертвенности, я просто привык заканчивать начатое... — Глоток был долгим и освежающим. Вино умело смывало тяжелые мысли вниз по пищеводу, оставляя на их месте легкое послевкусие. — Только мне нужна будет ваша помощь.

Ворота на их пути выросли почти неожиданно среди нагромождения камней. Вписанные с высоким искусством в горный проход, они казались его неотъемлемой частью. Так оно и было. Мощные стены, опоясывающие крепость, были вырублены прямо в скале, сохранив свою высоту и неприступность. В ущелье они смыкались высокими вратами, надежной конструкции. Столь узкий проход, если его все же удалось отыскать в лабиринте скал, делал почти невозможной любую осаду, ведь многочисленное войнство с трудом бы протиснулось в ущелье, не

более десятка человек в один ряд. Все это сильно осложняло попытки взять крепость штурмом, и тем не менее, сквозь внешние ворота довольно быстро могло выступить внушительное войско Серебряного ордена. Ворота стояли готовые ко всему и поныне, хоть за ними давно не скрывалась грозная армия Серебряных Стражей, впрочем, и никакая другая.

— Я смотрю, подступы стерегут в оба глаза! — насмешливо хмыкнул бальтор, разглядывая скальные выступы над головами, на которых он наблюдал один только чахлый кустарник.

— Не нравится мне все это, — скиталец выглядел немного растерянным. — Хотя бы за воротами ведь должен кто-то приглядывать!

— Вижу, пока мы отсутствовали, без нас совсем распоясались, а может случилось чего?

Эйстальд не стал отвечать, только что-то неуверенно промычал. Ворота, испещренные наклонными полосами, напоминавшие камень Великого Клыка, но лишь отчасти, были статичны, и в них не ощущалось угрозы. Скиталец подошел к ним вплотную и взялся за клинок. Селлтирианд не требовал крови, как плату за вход, но и свои двери не спешил открывать каждому встречному. Навершие на рукояти идеально вошло в нишу, незаметную среди бесчисленных линий, и провернув ее полным кругом, Эйстальд услышал знакомый щелчок где-то в глубине камня. Полосы с легким скрипом поползли вверх, и на гладкой поверхности камня проявилась тонкая щель. Со скрежетом и гулом огромная створка отошла в сторону, ее толщина составляла добрых три фута скальной породы. Ни один таран не способен был пробиться сквозь этот камень.

— Вы чего их не смазываете совсем, так и заклинить ведь могут! — Бальтор каждый раз с интересом наблюдал за процессом открытия и каждый раз терялся в догадках, как именно все это было устроено. Гелвину за свою немалую жизнь приходилось бывать и зодчим, но до мастерства великого Галлара ему было далеко.

— А когда и мне такой ключик дадут? А то, знаешь ли: стынуть на ветру, ожидая, когда тебя наконец запустят — занятие утомительное. Я даже своим набалдашником готов пожертвовать! — с готовностью сунул бальтор рукоять секиры прямо под нос Эйстальду.

— Гелвин, ты же знаешь порядки ордена. С ними всегда непросто...

— Да, да, да... Никаких чужаков, никаких простаков. Только истинное серебро, только Сребророжденные! Погляди, к чему ваша гордыня привела!

— Если бы мое мнение было решающим, у тебя давно был бы с десяток ключей!

— Постой, — Гелвин остановился перед горящим факелом на стене, задумчиво разглядывая пламя. — Ведь я уже, оказывается, не просто какой-то никчемный бальтор, меня вон как в той пещере селлестилом обмыло!

— Чего ты надулся, как пузырь, хочешь мой, забирай... — скиталец не закончил фразы, его внимание привлекло пламя того же факела, на который взирал и бальтор. Было от чего удивиться. Такого огня скиталец не видел никогда в жизни, и судя по выражению на лице друга, подобное и ему встречалось нечасто.

На первый взгляд пламя жило и пылало, подрагивая своими изменчивыми языками, по обыкновению. Но чем больше скиталец всматривался в него, тем яснее ему становилось, что с ним что-то не так. Не хватало плавности в его движениях, яркое пламя трепетало и внезапно обрывалось, чтобы вспыхнуть через мгновение вновь уже чуть поодаль. Будто огонь горел сразу в нескольких местах накладываясь слоями. Или в нескольких временных сплетениях.

— Вот те на, ты смотри, как отжигает! — бальтор поскреб макушку и поднял взгляд на Эйстальда. — По-моему, раньше он так не умел...

— По-моему, тоже. Не нравится мне все это.

— Согласен, — Гелвин медленно потянулся за секирой, зорко посматривая по сторонам. — Вокруг никого, пламя дергается, будто припадочное. Только Коронованные так способны чудить!

— Невозможно, — Эйстальд покачал головой, но его голос прозвучал не слишком уверенно. — Мы в Селлтирианде, и в его стенах дремлют силы, заложенные еще самим Галларом. Коронованным закрыт вход в эту крепость. Даже Изначальный не смог бы так просто пройти через эти врата.

— Ну то, что было невозможно еще вчера, сегодня происходит на наших глазах, — изрек Гелвин, подвывая котомку так, чтобы она не мешала движению. — Времена сам видишь какие, теперь нигде нет уверенности. Даже дома.

Освободив Серебряный Шторм, скиталец перебросил его из руки в руку и очертив дугу, с вызовом взглянул на пламя:

— Значит, сейчас мы это и проверим!

Двигались они бесшумными теньями, сливаясь со стенами и избегая света от факелов и светильников. Пламя во всех них горело яркое, ничем не хуже привычного огня, вот только все так же странно, урывками. Другим удавалось пробираться быстро и незаметно, они знали здесь каждый угол. Заранее оговоренный путь держали к центральной зале, используемой для трапезы и совещаний. Нередко именно там по вечерам собирались все обитатели замка. Главные ворота, хоть и были надежно закрыты, однако поблизости не обнаружилось никого, кто бы за ними приглядывал. Эйстальд все больше мрачнел, гадая о том, что все это значит.

Во внутренних помещениях было по-своему уютно, особенно для того, кто уже не раз бывал в этих стенах и успел привыкнуть к необычному убранству. Всех остальных увиденное бы не оставило равнодушными. Повсюду преобладали диагональные линии, стремительным росчерком уходящие к потолку. Наклонные грани и срезы ровных поверхностей, шероховатые и необъяснимо теплые на ощупь. Все это было выполнено из темного камня, преимущественно серых оттенков. Строгость и симметрию разбавлял теплый свет от живого огня, а холодные отблески пульсирующих линий придавали завершенности общему образу.

В жилых помещениях использовалось немало деревянного антуража, своей фактурой смягчающего камень и придающего заметный комфорт. Везде чувствовалась спокойная уверенность и даже некоторая аскетичность, будто все эти залы и коридоры ненавязчиво напоминали о том, что мирская суета не властна над камнем. Здесь не было подавляющего величия, возложенного в стены Великого Клыка, и не ощущалось той пропасти непонимания, простирающейся между зодчим и наблюдателем. Но что-то неуловимо общее прослеживалось между двумя столь различными крепостями. Это мог ощутить только тот, кто сумел побывать в каждой. И Эйстальд был один из немногих, ощущающих эту связь, и она его тяготила.

— Интересно, кто у кого подглядывал? — заговорщически прошептал бальтор, когда они миновали очередной поворот и вышли к широкой лестнице. — Был ли Галлар, настолько талантливым, что даже Изначальный вдохновлялся его работой...

— Великий Клык старше Селлтирианда, — сухо возразил скиталец. — И потом, откуда тебе знать, кто у кого подсмотрел, если ты мешком висел у меня за спиной все, то время, пока мы плутали в лабиринте Клыка?

— Может и висел, только ведь я все запомнил, каждую щелочку! Ты и сам знаешь, какая цепкая у меня память.

— Я только помню, как ты цепко повис на моем плече, и не припомню, чтобы при этом успевал картографировать.

— Умничать ты умеешь! Однако, к чему эти споры, ты и сам согласишься, что есть нечто общее между Селлтириандом и Великим Клыком. Нечто, что не замечали мы ранее, пока нам самим не довелось побывать в старой крепости у Болот.

Скиталец долго молчал, и все же нехотя кивнул:

— Что-то есть, и восторга у меня это не вызывает...

Коротая время за бормотанием и полупшепотом, друзья наконец добрались до дверей в общую залу. По пути они так и не встретили никого, но, по правде сказать, это и не было

слишком уж необычно. Огромный замок мог вместить очень многих, и для скитальцев давно был слишком велик. Пару раз друзья пробовали двери, ведущие в боковое крыло, но те либо были закрыты, либо встречали их пустотой и полумраком. В воздухе зависло ощущение того, будто замок, подобравшись, затаился, ожидая удара. Тревога не покидала друзей даже здесь, в этих стенах, к которым они так долго стремились.

Не повстречав ни врагов, ни братьев, скиталец все больше хмурился, и бальтор уже и не пытался подбодрить его очередной шуткой. Старику и самому было не до смеха. Каждый из них втайне надеялся застать обитателей замка в главной зале. Туда их могла согнать или нужда, или сила. Или все сразу.

Тяжелые двери предательски скрипнули, и скиталец поморщился — сколько раз ему приходилось смазывать эти старые петли — и в следующий миг у него отлегло на сердце. Зал был полон света и людей. Уютно пылал камин, и горели по-домашнему свечи. Все те, кого он так давно знал, сидели за огромным столом и трапезничали, ужин был в самом разгаре. Облегчение, как волна, омыла его изнутри, а затем вновь отступило, обнажив острые камни тревоги. Взгляд не обманывал: огонь все также необъяснимо мерцал, и все эти люди, его друзья и боевые соратники, сидели поглощенные застольем, совсем не замечая вошедших. Да, они и не могли заметить, поскольку и сами дрожали, совсем, как и пламя свечей, мерцая: то растворяясь, то вновь набирая плотности.

Кто-то тянул полную кружку ко рту так медленно, что казалось, пройдут годы, прежде чем он сделает свой глоток. Некоторые нависали над столом, потянувшись к блюдам или кувшинам. Сложно было представить, что в такой позе удалось простоять хотя бы минуту. Гранбурн открыто смеялся, с застывшим лицом, похожим на маску, и его кулак, повиснув в воздухе, должен был вот-вот грохнуться об столешницу, но опускался почти незаметно для взгляда. Все они, Хранители и скитальцы за огромным столом, жили, пировали и смеялись, но казалось, что происходило это не здесь, не в этой реальности, где молча стояли двое изумленных друзей.

Однако в зале находился еще тот, кто заметил их появление. Он не мерцал, как пламя свечи, хоть и был давно мертвым. Керрик высоко поднял кубок и, улыбнувшись улыбкой, лишенной тепла, как и ненависти, приветствовал друзей:

— Эйстальд, я ждал тебя!

Скиталец еще раз с горечью оглядел всех присутствующих. Тяжело было смириться с мыслью, что сейчас он не существовал для них, как и они для него. Спрятав клинок в ножны, он подошел к столу, где у самого края сидел Редван, и взяв его кружку, сделал долгий глоток. Кружка была твердой и шероховатой, как и положено глине, и вино в ней было хорошее, давно знакомое скитальцу по бутылкам из погребов Убежища. Поставив кружку, Эйстальд некоторое время рассматривал высокий свод потолка, и только затем опустил взгляд на Керрика.

— Это все твоя работа?

Керрик глотнул из своего кубка, так и не дождавшись ответного приветствия. Поморщился, будто отведав кислоты, и отошел от стола.

— Вот так ты приветствуешь старых знакомых, скиталец, без всякого уважения. Мне пришлось потратить изрядное количество сил, чтобы этот разговор мог состояться.

— Он же, как будто, окочурился, когда мы его последний раз видели! — бальтор пораженно ткнул секирой в сторону адепта, не спеша прятать ее за пояс. — Чего это выходит, он и помереть не может по-человечески?

— Видимо не может, — сухо отметил Эйстальд. — Хотя я был уверен, что никогда его больше не увижу.

— Досадно, что эта малорослая пьянь лезет в чужой разговор. Несмотря на все, через что я прошел, бальтор по-прежнему вызывает во мне явное раздражение!

— Я еще и не то могу вызвать! — заверил старик Керрика, потрясая секирой. — Тебе твое раздражение сладкой истомой покажется!

Адепт отвернулся от бальтора, делая вид, что он ему совершенно неинтересен, но напряжение в его осанке говорило об обратном.

— Эйстальд, не для того я устроил эту встречу, чтобы препираться со всяким отребьем. Мне нужно с тобой многое обсудить.

— Это можно обернуть вспять, вернуть все, как и было? — деловито поинтересовался скиталец. — Сделай это, и мы сможем поговорить.

Керрик опять поморщился, на этот раз немного иначе, как, бывало, хмурится Верховный магистр, недовольный глупостью своего ученика.

— Это не нужно поворачивать вспять. Все идет своим чередом, я ускорил восприятие времени для нас двоих. Только восприятие, временной туннель остался прежним. И события текут сквозь него неизменно.

Скиталец кивнул, будто соглашаясь, затем взглянул на бальтора.

— Если для нас двоих, почему тогда Гелвин вне временного туннеля, почему не так, как и остальные?

— Побочные флуктуации... досадные осложнения. Ты все время таскал двоих недоумков за собой, и вместо того, чтобы стать тем, кто ты есть, принять неизмеримо большее, ты умудрился все изгадить! Впрочем, для меня это оказалось даже полезным. Проникнув в Великий Клык и протащив за собой тех, кому там не место, ты связался с силами, которые тебе не уразуметь. Ты отверг дар Великого Клыка будто какую-то безделушку, позволил жалкому писарю пробудить древний механизм защиты... И все же сумел улизнуть от стражей. Это был я, кто первым пробудил Кхфаара, и я рассчитывал на то, что Клык призовет меня, откроет предо мной путь Изначального. Но ты появился не вовремя, и мне не достало сил остановить тебя! — Керрик издал нервный смешок и с вызовом взглянул на скитальца. — Однако этого уже больше не повторится...

— Чем ты расплатился с Клыком за свое возвращение? — тихо спросил Эйстальд. Его слова попали прямо в цель. Первый адепт молчал, сохраняя лицо, которое застыло в холодном презрении.

— Плата не понадобилась, скиталец. Великий Клык увидел во мне то, чего не отыскалось в тебе. Он выбрал меня, и теперь я управляю Циклом!

— Слушай ты, заместитель главного управленца, извини, что бутылки и монеты с собой не прихватили, чтобы ты наверху за нас словечко замолвил! — хохотнул Гелвин, всем своим видом показывая, какого остался он мнения об адепте. — А ежели по делу, то раз ты теперь такой важный и нарядный, отчего тогда Клык бедолагу Таркеля все разыскивает и своих псов костлявых на него напустил?

Вымученно улыбнувшись, Керрик глотнул вина, одарив бальтора взглядом, от которого треснуло бы стекло.

— Я бы мог движением пальцев раздавить тебя, как клопа, но, к сожалению, после этого Эйстальд будет не в состоянии выслушать меня, и только потому я все еще терплю твое назойливое присутствие! И все же зачаток мысли где-то брезжит, среди этих спутанных косм! Как вы уже сами догадались — выходка скитальца спутала планы не только мне. Да, Великий Клык избрал меня новым Творцом, но кровь слабоумного Таркеля, каким-то образом пробудила его защитные механизмы. Это стало досадным осложнением, у крепости не может быть нескольких избранных.

— Так значит наш Таркель может этим всем заправлять! Эйстальд, дружище, чего мы тогда здесь церемонимся? Наверняка, с такой силой, наш писарь где-то бродит живой и здоровый! Все, что нам нужно — это его отыскать и помочь ему распинать всех оставшихся доморощенных творцов!

— Все у тебя просто, старик! И неудивительно, ведь ты, несмотря на все твои остроты, совсем ничего не смыслишь в вопросах Творения. Для этого ты слишком глуп. Ваш Таркель,

связался с тем, что никогда не будет ему по силам, он не сможет обуздать такую мощь, он лишь будет страдать. Вечно преследуемый Коронованными, как загнанный зверь, пока наконец не попадет в их когти и не останется навеки у них в услужении. Только так он расплатится за свою глупую выходку, став еще одним из множества слуг Великого Клыка.

— Это вряд ли, — покачал головой Эйстальд. — Коронованных становится все меньше, и вполне возможно, мы успеем разделаться со всеми, прежде чем они доберутся до нашего друга.

— Слыхал я, что Бархаур потерпел поражение. Вот только какой ценой? Сможет ли Икларентид оправиться от такого удара, сможет ли однажды засиять жемчужиной вновь?

— Ты и Хагрэнда не забывай, — поднял палец бальтор, выразительно глядя на Керрика. — Он хоть и пыжился, но по черепушке мы ему здорово настучали!

— Даже та малая часть истока, которая прошла сквозь тебя, старик, наделила тебя силой. Ничтожной, в сравнении с твоей наглостью, и все же силой. Сила, которую ты не заслужил — украденная сила. Ты скалишься на меня с вызовом, но твои силы несоизмеримы с моими, даже если пропустить сквозь тебя с десятков истоков...

— А наглость?

Керрик заскрежетал зубами и подавил вспышку ярости, мелькнувшую у него в глазах. Решив не удостаивать последнюю колкость ответом, он повернулся к скитальцу.

— Другое дело, ты, Эйстальд. Ты получил силу, которая твоя по праву. Ты отыскал истоки в башнях Изменения и почти сумел приоткрыть древние врата. У тебя, конечно, ничего не вышло, но врата наградили тебя с лихвой. Знай ты то, что ведомо мне, прислушайся ты к шепоту башен, и возможно, они избрали бы тебя новым Творцом, достойным того, чтобы оспаривать первенство Великого Клыка. Но ты действовал грубо и неосмотрительно, отвергая дары, которые сами шли тебе в руки. Ты поглотил почти весь исток, но отверг голос башен, тем самым разрушив портал. Ты не можешь занять место Творца, и потому твое положение теперь гораздо ниже моего!

— Суть я уловил, — усмехнулся скиталец, переглянувшись с бальтором. — Хоть я и криворукий до ужаса, но потенциал во мне есть, и ты будешь настолько великодушным, что возьмешь меня под свое крылышко, чтобы обучить жалкого птенчика тайнам великих полетов!

— Суть ты уловил, — холодно подтвердил адепт. — Быть может, ты никогда и не научишься полетам, но уж крыльями махать я тебя научу.

— Спасибо за столь милостивую опеку, но я вынужден отказаться. Я всего лишь Серый скиталец, и мне не нужна полнота власти творения. Я лишь пытаюсь исправить свои ошибки и не желаю позволить Изначальному ввергнуть мир во тьму вновь, впрочем, как и любому другому.

— Тогда у нас схожие цели, — поднял Керрик кубок и улыбнулся ледяным оскалом. — Я хочу для этого мира того же. Покончить с Изначальным и его жалкими творениями, избавить всех нас от его козней, чтобы затем вновь, с чистого лица, продолжить Цикл и создать нечто поистине превосходное!

— Наверняка так и рассуждал Изначальный, прежде чем жажда власти поглотила его рассудок. Наверняка он верил, что создает нечто превосходное, неопишемую благодать для всех. Тьму, которая засияет ярче света!

— Эйстальд, не вынуждай убивать тебя. Поверь, мне бы доставило это удовольствие, но я не могу так рисковать. Если я убью тебя, то сила истока развеется понапрасну, а она нужна нам. Нужна мне. Великий Клык вдохнул в меня великую силу, но нам нужна вся мощь, до последней крохи, если мы хотим остановить Изначального. И потом мне нужен тот, кто поможет мне запустить новый Цикл. Моя правая рука, мой наместник, защитник Творца!

— Красиво звучит, наверное, уже репетировал? По мне, так шило на мыло, не слишком стоящий обмен. Ты бы лучше для начала моих друзей оставил в покое, а потом бы уже брататься напрашивался.

— Твои друзья в полном порядке, они даже не будут знать об этом разговоре, ведь временной туннель я удерживаю только для нас двоих... и этого недоразумения. И столь немалые силы я надеюсь трачу не понапрасну. Мне нужно, Эйстальд, чтобы ты понял меня. Понял, наконец, то, чего я от тебя хочу!

— Ты хочешь власти, Керрик, это не трудно понять.

— Власть — это всего лишь инструмент, без нее не может быть порядка. Так или иначе есть те, кому дано властвовать, и те, кому подчиняться. Таков порядок, и я не хочу его низвергать. Я собираюсь довести его до совершенства! От тебя зависит, Эйстальд, кому ты пойдешь навстречу: безумному Изначальному, что жаждет своего возвращения, жаждет восстановить свое царство, поднять из небытия свои легионы, или же ты примкнешь ко мне, и вместе мы восстановим спокойствие и порядок в Элладане! Тебе дана возможность выбора, скиталец, смотри же не ошибись!

— Мне не нравится ни один из твоих вариантов. Я предпочитаю не выбирать.

Керрик со злостью отшвырнул кубок и выпрямился во весь рост. Казалось, будто он навис над друзьями черной тучей, или же это была только игра света и тени.

— Ты уже сделал выбор, когда пролил мою кровь у подножия Великого Клыка, когда вошел в его врата так гордо и самонадеянно. Не выбирая ничего, ты всего лишь отсрочишь начатый тобой выбор!

— Ты безумен, Керрик, и всегда таким был. Не знаю, какой силой наделила тебя старая крепость, но она явно не облегчила бремя твоего безумия.

— Быть может ты прав, — неожиданно легко согласился адепт. — Но разве твой разговор с Изначальным не был частью твоего собственного безумия? Ты думаешь, как я об этом узнал? Быть может, голос селлестила, что звучит сквозь всех Сребророжденных, не одно лишь безумие?

— Чего ты хочешь, Керрик, — устало облокотился на стол скиталец. — Хочешь, чтобы я стал твоим слугой, инструментом для достижения твоих целей?

— Я хочу, чтобы ты стал мне равным! — заметив мимолетное удивление в глазах Эйстальда, адепт поспешил продолжить. — Ты, наверняка, уже сам догадался, что Селлтирианд, как и Великий Клык, как и Башни Изменения, был возведен на месте Первых ударов? Там, где сосредоточение селлестила особенно велико. И где-то здесь, под нашими ногами, сокрыт исток, не уступающий по силе Великому Клыку.

— Я догадывался. Однако Галлар не был похож на Изначального.

— Конечно. Славный элнарит был первым из немногих, кто не склонился перед ним. Но не только за это нам следует чтить его память. Могущество Селлтирианда велико, и оно дремлет в его недрах, дожидаясь нового Творца. Того, кто достоин!

— Пафосных речей тебе не занимать, — Эйстальд пожал плечами, он не выглядел убежденным. — Сразу видна школа Лагранна. Ему бы следовало уделять больше внимания твоим тренировкам с клинком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.